СЕМЬЯ и ШКОЛА.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ю. Л. СИМАШКО.

КНИГА I.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 7. СЕНТЯБРЬ 1871 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, домъ № 15.
1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Октября 1871 года.

О ЖИЗНИ СЛАВЯНЪ

за тысячу лѣтъ до нашего времени.

Всѣ народы, населяющіе въ настоящее время Европу, въ глубокой, незапамятной древности пришли изъ Азіи, отдѣлились отъ той вѣтви, которая, живя на горахъ Гинду-Ку, носила названіе Арійской. Хотя Славяне, наши предки, пришли гораздо позже другихъ народовъ Европы, тѣмъ не менѣе ихъ пришествіе случилось такъ давно, что и память о немъ утратилась. Сначала Славянское племя поселилось на рѣкѣ Дунаѣ, а оттуда стало расходиться въ разныя стороны, между прочимъ явилось и въ той мѣстности, которая теперь называется Россіей. Эти отдаленные предки наши не называли себя Русскими, какъ мы, а Славянами, то есть людьми, обладающими даромъ слова. Не понимая языка своихъ сосѣдей, гораздо раньше переселившихся въ Европу, наши предки сначала не хотѣли признать за ними способности говорить, полагая, что только тѣ, которые говорятъ понятнымъ для нихъ языкомъ, являются людьми, говорящими какъ слѣдуетъ. Поэтому-то ближайшіе сосѣди Славянъ — Германцы, получили названіе Нѣмцевъ, то есть нѣмыхъ, не умѣющихъ говорить.

Мѣстность Россіи за десять—двѣнадцать вѣковъ до насъ далеко не имѣла того вида, который она имѣетъ теперь. Поросшія травою степи простирались въ тѣ времена тамъ, гдѣ нынѣ земледѣльцы разводятъ хлѣбныя растенія; непроходимыя болота покрывали сплошныя массы нашего отечества, а дремучимъ лѣсамъ и конца не было. Мудрено было тогда путешествовать по этой почти безлюдной мѣстности, по этимъ болотамъ, по этимъ

лѣсамъ, въ которыхъ только раздавался ревъ медвѣдей, волковъ, да шелестъ листьевъ и вѣтвей, колеблемыхъ вѣтромъ. На обширныхъ степяхъ можно было только изрѣдка встрѣтить кочующее племя какого нибудь неизвѣстнаго народа, въ лѣсахъ—еще рѣже грязнаго малорослаго звѣролова-финна, который забрелъ въ этотъ край во время гораздо болѣе отдаленное. Если и была какая нибудь возможность проникнуть въ эту отчасти степную, отчасти лѣсистую; отчасти болотистую пустыню, то только благодаря тѣмъ многочисленнымъ рѣкамъ, которыя въ разныхъ направленіяхъ протекаютъ по ней. Ѣдучи по водѣ, не встрѣчаешь на пути непреодолимыхъ преградъ, въ родѣ лѣсовъ и болотъ, въ челнокѣ не подвергаешься опасности быть растерзаннымъ какимъ-либо дикимъ звѣремъ, имѣешь больше возможности ускользнуть отъ преслѣдованія попавшихся на встрѣчу кочевниковъ, которые всегда охотно ограбятъ и убьютъ не принадлежащаго къ ихъ племени человѣка. Поэтому не удивительно, что и Славяне, разселяясь по этой мѣстности, старались придерживаться рѣкъ и въ нихъ видѣли какъ-будто природные пути. Берега рѣки Днѣпра и рѣки Волхова показались нашимъ предкамъ болѣе удобными и доступными, а потому заселились раньше другихъ мѣстностей. Тѣ изъ Славянъ, которые сѣли на Волховѣ, впадающемъ въ озеро Ильмень, прозвались Славянами Ильменскими, а поселившіеся по среднему теченію Днѣпра, отъ мѣстности, богатой плодородными полями, назвались Полянами. Кромѣ того край лѣсистый, но богатый всякимъ звѣремъ, располагающійся по обѣ стороны рѣки Припети, праваго притока Днѣпра, получилъ тоже славянское населеніе, извѣстное подъ племенемъ Древлянъ. Сѣли Славяне на новыхъ мѣстахъ и стали заниматься тѣми промыслами, какими имъ позволяла мѣстность. Ильменскіе Славяне не имѣли удобныхъ полей, а потому и земледѣліе у ихъ было весьма незначительно. Они охотились за звѣрями, а главнымъ образомъ ловили рыбу, которой и до настоящаго времени очень много въ озерахъ и рѣкахъ того края. Эти предметы они вымѣнивали у сосѣдей Славянъ и инородцевъ на хлѣбъ и другіе необходимые продукты, и такимъ образомъ съ давнихъ поръ привыкли къ жизни торговой, привыкли къ плаванію по рѣкамъ и даже неоднократно отваживались пускаться на Балтійское море, которое находится очень близко отъ ихъ зем-

ли. Древляне жили въ мѣстности лѣсистой, а потому охота была ихъ главнымъ занятіемъ. Постоянныхъ поселеній и городовъ у нихъ было немного, они шлялись по лѣсамъ, привыкли къ бродячей жизни, а потому не отличались ни богатствомъ, ни мягкимъ нравомъ. Жили они подобно дикимъ животнымъ, въ случаѣ неудачной охоты питались падалью, обращались съ сосѣдями и даже съ своими очень жестоко. Не таковы были Поляне. Усѣвшись въ мѣстности весьма удобной для земледѣлія, они стали жить осѣдлою жизнью, строили поэтому болѣе опрятныя и прочныя жилища, были нрава болѣе человѣколюбиваго, не такъ часто нападали на сосѣдей, предпочитая добывать себѣ необходимое трудомъ, а не войною. Они жили на берегахъ большой рѣки, уходящей въ Черное море, по которому плавали торговыя суда разныхъ другихъ народовъ, а потому торговля у нихъ, какъ со своими единоплеменниками, Ильменцами и Древлянами, которыхъ они надѣляли рожью, пшеницею, просомъ и т. д., такъ и съ иноземцами, напримѣръ Греками, развилась очень рано.

Что Древляне, постоянно гоняющіеся за звѣремъ, были ловки, сильны и воинственны, объ этомъ и говорить нечего. Но и Поляне и Ильменскіе Славяне не должны были забывать военнаго искуства, такъ какъ враговъ, угрожающихъ ихъ независимости, было очень много со всѣхъ сторонъ. На Востокъ отъ Днѣпра разстилается привольная, необозримая какъ океанъ, степь, по которой кочевали разные полудикіе народы. За тысячу лѣтъ до насъ и раньше тамъ встрѣчались кочевники Хозаре, которые не давали покоя осѣдлымъ Славянамъ, разоряли ихъ села, уводили народъ въ плѣнъ и потомъ продавали его въ рабство, налагали дань, которую собирали подъ часъ съ страшною жестокостью. Какъ кочевники, они не имѣли того, что даетъ осѣдлый земледѣльческій трудъ, а потому брали дань хлѣбомъ и медомъ; живя въ степи и нуждаясь въ шкурахъ пушныхъ звѣрей, они всѣми средствами старались побѣдить и потомъ обложить данью тѣ изъ Славянскихъ племенъ, которыя, живя въ мѣстности болѣе или менѣе лѣсистой, имѣли возможность добывать охотою шкуры бѣлокъ, медвѣдей и волковъ. Не разъ приходилось Полянамъ вести борьбу съ Хозарами не на животъ, а на смерть, не разъ приходилось и, покорившись имъ, платить дань мѣхами, хлѣбомъ и медомъ. Говорятъ, что однажды Хозары напали на

Полянъ и потребовали дани. Поляне подумали, и чтобы избѣжать кровопролитія съ могучими врагами, дали имъ по мечу отъ каждаго дома. Хазаре принесли мечи своимъ начальникамъ и и сказали: «Вотъ мы нашли новую дань». «А откуда вы ее взяли?»—спросили Хозарскіе начальники. «Да тамъ, въ лѣсу на горѣ, близъ Днѣпра», былъ отвѣтъ. «Охъ, сказали начальники, не хороша эта дань! Мы воюемъ саблями, острыми съ одной только стороны, а у этаго народа мечи съ обѣихъ сторонъ остры; будутъ они брать дань и на насъ и на другихъ странахъ». Это предсказаніе сбылось, потому что тамъ, гдѣ прежде жило Хозарское племя, нынѣ есть много большихъ городовъ русскихъ, какъ напримѣръ, Воронежъ, Саратовъ, Царицынъ и т. д., но пока дошло до такого положенія, много молодцевъ пролило кровь свою, много матерей горькими слезами оплакивало преждевременную смерть своихъ сыновъ, много дѣтей осиротѣло и женъ сдѣлалось вдовами.....

У Ильменскихъ Славянъ былъ столь-же, если не болѣе опасный врагъ—Варяги, т. е. жители нынѣшней Швеціи и Норвегіи. Они были гораздо образованнѣе Славянъ, имѣли въ изобиліи желѣзное оружіе, отличались неукротимою храбростью, а потому и бѣда отъ нихъ была велика. Такъ какъ ихъ родина бѣдна и неплодородна, то они весьма охотно выселялись изъ нея. Одни шли наниматься въ солдаты къ царямъ Греческимъ, другіе разъѣзжали съ товарами, третьи пускались по морю или по сухому пути въ разные концы Европы, ища себѣ добычи и распространяя вездѣ смерть и опустошеніе. Такъ какъ они очень часто ходили въ Греческую землю, а морской путь туда вокругъ всей Европы былъ очень далекъ, то потому они умудрились пробираться чрезъ страну, занятую Славянами. Они спускались на легкихъ лодкахъ по Балтійскому морю, входили въ Финскій заливъ, оттуда въ Неву, оттуда въ Ладожское озеро, потомъ по Волхову спускались въ Ильмень, потомъ въ рѣку Ловать. Тамъ, гдѣ рѣки прерывались, они перетаскивали свои легкія суда, и такимъ образомъ переходили въ Западную Двину, потомъ въ притоки Днѣпра и по этой рѣкѣ плыли до самыхъ пороговъ. Здѣсь опять по берегу перетаскивали суда, такъ какъ гряды скалъ мѣшали плаванію, и потомъ уже безпрепятственно шли дальше Днѣпромъ, выплывали въ Черное море, на южномъ бе-

регу котораго находится городъ Константинополь, теперь столица Турціи, а прежде столица Греческой имперіи, куда Варяги обыкновенно ходили или на службу, или-же для торговли. Понятно, поэтому, что проходя чрезъ земли, населенныя славянскими племенами, они непрочь были брать съ нихъ дань шкурами, хлѣбомъ и медомъ, такъ какъ эти сырыя произведенія можно было всегда въ Константинополѣ вымѣнять на вещи, выдѣланныя на фабрикахъ и заводахъ, напримѣръ, на желѣзное вооруженіе, шелковыя одежды, золотыя украшенія и прочее.

Кромѣ Хозаръ и Варяговъ были еще и другіе народы, которые дѣлали много вреда Славянамъ. Въ Азіи до настоящаго времени живетъ много кочевниковъ, которые въ былыя времена дѣлали частые набѣги на жителей восточной Европы. Между этими азіатскими наѣздниками, кровавую память оставили послѣ себя Авары или Обры. Они были ростомъ велики, силою мощны, а нравомъ свирѣпы. Они не только брали дань на Славянахъ, но и притѣсняли ихъ самымъ жестокимъ образомъ. Малѣйшее непослушаніе наказывалось лютою смертною казнью; Обринъ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, запрягалъ въ свою телѣгу женщинъ славянскихъ и заставлялъ ихъ такимъ образомъ исполнять работы скота. Впрочемъ, владычество ихъ было непродолжительно: покоренные народы возстали противъ такихъ притѣснителей, отчасти перебили Обровъ, отчасти прогнали ихъ обратно въ Азію, такъ что только долго потомъ Славяне, желая выразить чью нибудь окончательную гибель, говорили: «Погибли какъ Обры».

Окруженные почти со всѣхъ сторонъ врагами, Славяне съ раннихъ поръ должны были привыкнуть къ войнѣ и, дѣйствительно, заслужили себѣ славу храбрыхъ воиновъ. Главное оружіе ихъ состояло изъ большихъ деревянныхъ щитовъ, которыми они прикрывались отъ ударовъ, наносимыхъ непріятелемъ, и изъ короткихъ и длинныхъ копій. Послѣдними они кололи, а первыми кидали въ непріятеля. Концы копій намазывались ядомъ и причиняли вѣрную смерть тому, кто получалъ ими хотя незначительную рану. Мечи и вообще желѣзное оружіе встрѣчалось у Славянъ гораздо рѣже. При своей малой образованности они не умѣли ни отъискивать желѣзо въ землѣ, ни обработывать его; если-же у нѣкоторыхъ изъ зажиточныхъ славянъ были пан-

цыри (желѣзные и мѣдные кафтаны) и шлемы (желѣзныя и мѣдныя шапки), то эти вещи вымѣнивались обыкновенно у Грековъ, или доставались какъ добыча во время нашествія на болѣе образованныхъ сосѣдей. Плащъ, рубашка и штаны покрывали обыкновенно тѣло Славянина; на ноги онъ надѣвалъ нѣчто въ родѣ кожанныхъ башмаковъ или лыковыхъ лаптей, прикрѣплявшихся ремнями, на голову — остроконечную высокую шапку. Иногда, для большей свободы, Славяне выходили на битву безъ плаща и рубашки, иногда-же для того, чтобы придать себѣ свирѣпый видъ, на шапку прикрѣпляли медвѣжьи и волчьи головы. Въ открытомъ полѣ Славяне становились плотно другъ близь друга, держа въ одной рукѣ выставленныя впередъ свои длинныя пики, а въ другой щиты, которыми прикрывались. Такое войско было похоже на движущуюся стѣну. Но Славяне не любили сражаться на ровныхъ мѣстахъ: они предпочитали заманить врага въ мѣста лѣсистыя и болотистыя и тамъ, зная прекрасно всѣ выходы и тропинки, окружали его со всѣхъ сторонъ. Различнаго рода хитрости пускали въ ходъ наши предки, чтобы обмануть врага, котораго нельзя побѣдить силою. Такъ, они умѣли очень искустно прятаться въ луговой травѣ, и когда непріятель, не подозрѣвая опасности, спокойно проходилъ мимо, они тогда сразу показывались изъ своего убѣжища, нападали и этимъ производили замѣшательство въ непріятельскомъ войскѣ. Нѣкоторыя славянскія племена отличались удивительнымъ умѣніемъ плавать и нырять. Если враги неожиданно нападутъ на нихъ, они, чтобы спрятаться, погружались въ воду, ложились на спину на днѣ, и, держа во рту длинные, выдающіеся изъ воды камышевыя трубки, посредствомъ которыхъ дышали, проводили такъ по нѣсколько часовъ. Если и случится, что непріятель увидитъ торчащіе камыши, то, не зная этой хитрости, принимаетъ за обыкновенные камыши, которые растутъ въ рѣкахъ и озерахъ. Если же онъ догадается въ чемъ дѣло, то прокалывалъ рты Славянъ, или вытаскивалъ камыши изъ воды, заставляя такимъ образомъ и спрятавшихся людей выходить на поверхность, такъ какъ имъ болѣе дышать не было возможности.

Отличаясь ловкостью, храбростью и силою, Славяне безпощадно мучили и убивали людей того народа, съ которымъ вели войну. Напавъ на христіанъ, они не щадили ни церквей, ни мо-

настырей, забирали себѣ всѣ драгоцѣнности, а то, чего взять не могли, жгли или уничтожали какимъ нибудь другимъ образомъ. Вождей побѣжденнаго войска обыкновенно распинали на крестахъ, ругаясь надъ знаменіемъ нашего искупленія. Въ 549 г. они совершили нападеніе на Греческую землю и страшно опустошили значительную часть ея, не смотря на то, что были только въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ. Они взяли въ плѣнъ Греческаго вождя Азбада, сожгли его на кострѣ, вторглись въ городъ Топеръ, избили въ немъ до 150,000 безоружныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей продали въ рабство, драгоцѣнности разграбили, а все остальное добро, а отчасти и людей, заперли въ сараяхъ и сожгли. Они всегда готовы были драться и потому за плату шли на помощь къ другимъ народамъ иногда даже противъ своихъ единоплеменниковъ. Отличаясь жестокостью въ войнѣ, они сами всегда сражались до послѣдней капли крови. Трусость почиталась однимъ изъ гнуснѣйшихъ пороковъ и строго наказывалась. «Ляжемъ костьми, потому-что мертвымъ не будетъ стыдно, а бѣглецовъ всѣ презираютъ», говорили они въ опасности. По свидѣтельству многихъ писателей того времени Славяне были-бы самымъ сильнымъ и непобѣдимымъ народомъ, если-бы жили въ мирѣ и согласіи другъ съ другомъ; но, къ несчастью, этого-то и не было.

Жили Славяне родовымъ бытомъ, т. е. всѣ, считавшіе себя родственниками, дальними или близкими, составляли независимый родъ. Поляне, Древляне и Ильменцы раздѣлялись на множество такихъ родовъ, сидѣвшихъ особнякомъ. Обстановка ихъ была не богата. Убѣжищами имъ служили дрянныя хижины, состоящія изъ кольевъ, оплетенныхъ хворостомъ. Мебель ихъ состояла изъ простыхъ скамеекъ и столовъ, постель изъ сѣна, соломы и звѣриныхъ шкуръ. Каждый родъ владѣлъ землею сообща и повиновался родоначальнику, старшему во всемъ родѣ. Иногда нѣсколько родовъ соединялись вмѣстѣ и строили общими силами городъ, т. е. огораживали, укрѣпляли извѣстное пространство, гдѣ и находили убѣжище во время нашествія непріятеля. Лишь только приходила вѣсть о приближеніи послѣдняго, сельскіе жители прятали хлѣбъ и разное другое добро въ ямы, а сами вмѣстѣ со скотомъ, уходили въ городъ, или, если по близости города не было, въ глубину дремучаго лѣса, куда, можно

было надѣяться, что врагъ не заглянетъ за незнаніемъ дороги и за боязнью наткнуться въ лѣсу на опасную засаду. Если хижины и сожигались врагомъ, то бѣда была не велика, такъ какъ постройка жалкихъ лачугъ не представляла большихъ трудностей. Только въ городахъ рѣшались строить болѣе прочные дома изъ балокъ, такъ какъ непріятелю рѣже удается справиться съ укрѣпленною мѣстностью, чѣмъ съ открытою. Въ городахъ, гдѣ встрѣчались люди, принадлежащіе разнымъ родамъ, дѣла рѣшались общимъ совѣтомъ или вѣчемъ, на которое собирались или одни старшины, или всѣ родичи. Иногда вѣча бывали очень бурныя, когда одна сторона хотѣла одного, а другая другаго; дѣло подъ часъ доходило до драки, и та партія, которая побѣждала своихъ противниковъ, постановляла рѣшеніе. Городовъ по краямъ славянской земли было больше, чѣмъ по срединѣ, такъ какъ чаще всего подвергались нападеніямъ жители пограничныхъ мѣстностей. На Юго-Восточной сторонѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ путь въ Хозарскія степи, издревле былъ построенъ на гористомъ берегу Днѣпра городъ Кіевъ; на сѣверѣ, какъ разъ на водной дорогѣ отъ Балтійскаго моря къ Черному стоялъ Новгородъ, а на Западной Двинѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ русская земля подходитъ къ Литвѣ, народу, тоже враждебному, находился Полоцкъ.

Мы уже знаемъ, что съ сѣверныхъ Славянъ брали дань Варяги. Славяне терпѣли, терпѣли, да и не вытерпѣли: они подняли возстаніе, соединились родъ съ родомъ и прогнали Варяговъ за море. Но, прогнавъ тѣхъ, которые ихъ притѣсняли, они перессорились другъ съ другомъ:возсталъ родъ на родъ, не было правды межъ ними, была только кровавая война. Нѣкоторые съ сожалѣніемъ вспоминали про то время, когда владѣли Варяги: хоть тогда Славянамъ приходилось платить дань, хоть и не были они независимы, но все-же былъ по крайней мѣрѣ миръ. И вотъ одинъ изъ Новгородскихъ старѣйшинъ, Гостомыслъ, согласившись съ нѣкоторыми другими изъ старѣйшинъ, снарядилъ посольство за море, къ варяжскому племени, называемому Русью. Послы пришли къ тремъ братьямъ—начальникамъ этого племени, Рюрику, Синеусу и Трувору, и сказали имъ: «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; идите княжить и владѣть нами». Братья подумали и согласились. Въ 862 году, за

1009 лѣтъ до нашего времени, они пріѣхали къ Славянамъ и стали у нихъ княжить. Вмѣстѣ съ ними пріѣхали и многочисленные варяжскіе войны, получавшіе жалованье отъ нихъ и носившіе названіе дружины. Нѣкоторые изъ Ильменскихъ славянъ попробовали было не слушаться Рюрика, (Синеусъ и Труворъ скоро послѣ пріѣзда скончались), но ихъ принудили къ этому силою, и Рюрикъ утвердился въ Новгородѣ. Отъ этого пришлаго Варяжскаго племени и отечество наше стало называться Русью, и долго извѣстно было подъ этимъ именемъ, перешедшимъ потомъ въ слово «Россія».

Умирая, Рюрикъ оставилъ сына Игоря; но такъ какъ послѣдній былъ малолѣтенъ, то на княжескій престолъ вступилъ его родственникъ Олегъ. Олегъ захотѣлъ покорить себѣ Полянъ и съ этою цѣлью пошелъ воднымъ путемъ къ Кіеву, гдѣ княжили тоже два варяга, братья Аскольдъ и Диръ. Подплывая къ Кіеву, Олегъ оставилъ часть дружины назади, а съ другою частью подъѣхалъ къ городу, но и то велѣлъ спрятаться своимъ воинамъ въ лодкѣ, чтобы Кіевляне, увидѣвъ многихъ вооруженныхъ, не вздумали догадаться въ чемъ тутъ дѣло и приготовиться къ защитѣ. Олегъ послалъ сказать Аскольду и Диру, что онъ купецъ, ѣдущій изъ Варяжской земли въ Греческую, и что ему непрѣменно нужно повидаться съ ними. Аскольдъ и Диръ пришли на берегъ, но тутъ-же были схвачены воинами Олега, напавшими на нихъ изъ лодокъ. «Вы не князья и не княжескаго рода, я—же князь, а вотъ сынъ Рюрика», сказалъ Олегъ и показалъ молодаго Игоря. Потомъ Кіевскихъ государей убили, похоронили на холмѣ, и до нынѣ извѣстномъ подъ именемъ Аскольдовой могилы, а Олегъ вошелъ въ городъ, который, потерявъ князей своихъ, самъ не зналъ что дѣлать и безпрекословно повиновался хитрому Олегу, который заявилъ, что Кіевъ отселѣ будетъ столицею Русскаго княжества и матерью городовъ русскихъ Потомъ Олегъ пустился на лодкахъ по Припети, разбилъ Древлянскихъ воиновъ и взялъ съ нихъ дань. Столь-же удаченъ былъ и походъ Олега на Грековъ, отъ которыхъ русскій князь получилъ много и подарками и захватомъ, а потомъ воротился въ Кіевъ. Дружина его была богата, потому что князь, оканчивавшій всѣ войны удачно, щедро жаловалъ ее деньгами, шелко-

выми платьями, желѣзнымъ оружіемъ, сладкимъ виномъ и добрыми лошадьми.

Послѣ смерти Олега Кіевскимъ княземъ сдѣлался Игорь, сынъ Рюрика, тотъ самый, который былъ свидѣтелемъ смерти Аскольда и Дира. Мы уже видѣли, что Олегъ совершилъ весьма удачный походъ на Константинополь, и привезъ съ собою оттуда много всякаго добра, часть котораго онъ взялъ себѣ, а другую раздѣлилъ между дружинниками. Эти дружинники были люди вольные, служили кому хотѣли, а потому, если замѣчали, что имъ не выгодно быть на службѣ у одного князя, то переходили къ другому. Если же ни одинъ изъ своихъ князей не хотѣлъ взять дружинника въ полкъ, то дружинникъ шелъ въ чужія земли, напримѣръ въ Константинополь, и тамъ поступалъ на службу. Конечно, чѣмъ больше была дружина у князя, чѣмъ вѣрнѣе она служила ему, тѣмъ и князь самъ былъ знатнѣе и богаче. Князья, поэтому дорожили своею дружиною, обходились съ нею ласково, совѣтовались съ ней и заботились о томъ, чтобы дружинники были богаты. Но такъ какъ богатство въ тѣ времена пріобрѣталось преимущественно войною и данью, то поэтому князья безпрестанно воевали, и такимъ образомъ доставали тѣ драгоцѣнности, которыя были необходимы и для нихъ, и для дружинниковъ. Молодой Игорь пожелалъ тоже прославиться богатырскими подвигами, какъ его предшественникъ, онъ пожелалъ тоже обогатить и себя, и свою дружину, а потому рѣшился идти войною на Грековъ.

На легкихъ ладьяхъ двинулся онъ по Днѣпру и Черному морю къ берегамъ Греческой земли. Уже грабежъ начался, уже нѣсколько городовъ Русь обратила въ развалины, уже перебито было много не только воиновъ, но и мирныхъ жителей Греціи, какъ вдругъ распространилась вѣсть, что сильный флотъ идетъ противъ Игоря. Русь изготовилась къ защитѣ и бой завязался. Но на этотъ разъ не суждено было русскимъ выйдти побѣдителями: у Грековъ было огнестрѣльное оружіе, такъ называемый греческій огонь, котораго не знали русскіе. Греки изъ мѣдныхъ и жестяныхъ трубъ на далекое разстояніе метали искры, которыя, на подобіе грома, поражали людей и зажигали лодки. Испуганные этимъ чудеснымъ огнемъ, дружинники Игоря, чтобы спастись отъ страшныхъ ранъ и обжоговъ, бросались въ море

и въ его волнахъ находили смерть. Пораженные на морѣ русскіе вышли на берегъ, но и тутъ ихъ настигло многочисленное войско и довершило свою побѣду. Игорь съ немногими дружинниками воротился въ Россію; большинство-же русскихъ воиновъ осталось на днѣ Чернаго моря или въ могилахъ на греческой землѣ, на которой имъ на этотъ разъ не посчастливилось.

Каково-же было горе Игоря, когда онъ воротился въ Кіевъ! Дружина его сильно поуменьшилась, денегъ и богатствъ было мало, такъ какъ походъ окончился полною неудачею. И вотъ Игорь кликнулъ кличь по всей землѣ, призывая охотниковъ къ себѣ на службу. Храбрые Норманы стали толпами стекаться къ нему; приходили также и славянскіе витязи. Дружина Игоря была опять въ полномъ составѣ и опять пошла на Грековъ. Страшно испугались греческіе сановники, узнавъ, что на Черномъ морѣ снова появились русскія суда, которымъ и счету небыло. Они собрались на совѣтъ и рѣшились послать пословъ къ Игорю съ просьбою не разворять ихъ отечества, а взять дань и мирно воротиться домой. Выслушавъ пословъ, Игорь созвалъ свою дружину, и сталъ съ ней совѣтоваться, продолжать-ли войну, или, взявъ съ Грековъ деньги и драгоцѣнности, воротиться безъ боя. Подумавъ о дѣлѣ, которое нужно было рѣшить, дружинники сказали: «Если царь предлагаетъ намъ дань, то воевать не слѣдуетъ; что можетъ быть лучше, какъ получить золото, серебро и поволоки (шелковыя матеріи) безъ труда и опасностей? Знай-мы навѣрно, что одолѣемъ, тогда-бы мы стали и воевать; но вѣдь съ моремъ и бурями уговориться нельзя, а по морю труднѣе ходить чѣмъ по землѣ, потому что оно можетъ взбунтоваться и всѣхъ потопить». Игорь послушался совѣта дружины и, взявъ зотото, серебро и поволоки, пошелъ обратно въ Кіевъ.

Но дань, уплоченная Греками, вѣроятно была не очень значительна, потому что скоро дружинники стали говорить своему князю: «Другіе воины богаты, они имѣютъ и хорошее оружіе, и богатыя одежды, у насъ-же ничего нѣтъ; пойдемъ, князь, къ сосѣдямъ за данью, и ты разбогатѣешь, и мы».

Игорь по требованію дружины пошелъ на Древлянъ, заставилъ ихъ заплатить дань и такимъ образомъ успокоилъ роптавшихъ дружинниковъ. Но желаніе набрать какъ можно больше не повело къ добру. Игорь отослалъ въ Кіевъ большую часть

дружины, а самъ съ немногими сталъ опять ходить по землѣ Древлянской и брать дань съ жителей. Онъ оставилъ при себѣ мало дружины потому, что хотѣлъ, главнымъ образомъ, обогатиться самъ, а съ большею дружиною, требовавшею за свой трудъ вознагражденія, приходилось получать меньше, такъ какъ добытое нужно было дѣлить между большимъ количествомъ лицъ. Но на этотъ разъ Игорь ходилъ не долго: Древляне вышли изъ терпѣнія, собрались на вѣче и порѣшивъ, что «коли волкъ повадился ходить въ овчарню, то не перестанетъ таскать овецъ пока его не убьютъ», напали на него съ оружіемъ. Малочисленная дружина не успѣла защитить своего князя, который былъ убитъ возмутившимися и схороненъ близь города Искоростеня.

Справившись съ Игоремъ, Древляне стали думать, какъ обезопасить себя отъ мести со стороны дружины Кіевскаго князя и его родни. Думали они и порѣшили попытаться склонить Ольгу, вдову Игоря, къ замужеству за ихъ князя Мала и съ этою цѣлью послали пословъ въ Кіевъ. Послы на лодкахъ двинулись по Припети, потомъ перешли въ Днѣпръ и пристали у гористыхъ береговъ Кіева.

— Мы къ тебѣ пришли, княгиня,—сказали послы Ольгѣ.

— Скажите, чего ради вы пришли?—спросила кіевская княгиня.

— Насъ прислали жители земли Древлянской; они велѣли сказать тебѣ, что мужа твоего убили, такъ какъ онъ грабилъ и разорялъ насъ, будто волкъ; ты-же княгиня, выйди за нашего князя Мала. Князья наши добры суть, они заботятся о своей землѣ».

— «Люба мнѣ ваша рѣчь», отвѣчала княгиня; «вѣдь мужа моего воскресить нельзя. Но прежде нужно возвеличить васъ предъ моими людьми. Идите-же въ ладьи ваши, расположитесь въ нихъ съ важностью и объявите, когда я пришлю за вами, чтобы васъ несли въ городъ въ лодкахъ на рукахъ».

Сказано—сдѣлано. Послы возвратились на берегъ, расположились въ лодкахъ, а Ольга тѣмъ временемъ велѣла выкопать большую яму, и когда послѣдняя была готова, послала сказать Древлянамъ: «Ольга зоветъ васъ на честь великую».

— «Не ѣдемъ на коняхъ, ни на возахъ, не идемъ пѣшкомъ, несите насъ въ лодкѣ», отвѣтили гордо Древляне, помня наказъ Ольги.

Кіевляне сказали: «Что-же? Мы люди невольные; вы убили нашего князя, княгиня наша выходитъ замужъ за вашего», и понесли Древлянъ въ лодкѣ. Но не честь великая ожидала пословъ, а смерть мучительная, не на пиръ роскошный попали Древляне, а въ яму глубокую, куда ихъ велѣла бросить вмѣстѣ съ лодкою Ольга.

— Довольны-ли вы честью? — спросила мстительная Ольга, нагнувшись надъ ямою.

— Охъ! хуже намъ Игоревой смерти — отвѣтили Древляне. Послѣ этого Ольга велѣла закидать ихъ живыхъ землею, что и было исполнено.

Но этимъ не кончается месть Ольги: она не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока цѣлыя тысячи Древлянъ не заплатятъ ей своею жизнью за убіеніе ея мужа, и потому продолжала дѣло мести. Запретивъ Кіевлянамъ разсказывать обо всемъ случившемся, Ольга снаряжаетъ посольство къ Древлянамъ и велитъ сказать имъ: «Если хотите взять меня за вашего князя, то пришлите посольство по блистательнѣе, по знаменитѣе, а то Кіевляне не пустятъ меня». Древляне, думая, что ихъ первое посольство осталось въ Кіевѣ и проводитъ время въ пиршествахъ и увеселеніяхъ, не подозрѣвали хитрости и снарядили къ Ольгѣ людей, принадлежащихъ къ самымъ знатнымъ и богатымъ семействамъ. Новымъ посламъ Ольга велѣла помыться въ банѣ, принарядиться по торжественнѣе и потомъ явиться къ ней. Но лишь только послы вошли въ баню, какъ послѣдняя была подожжена по повелѣнію Ольги, и лучшіе Древлянскіе воины погибли въ пламени.

Предавъ мучительной смерти два посольства, Ольга, тщательно скрывая свой поступокъ, опять послала сказать Древлянамъ: «Я уже иду къ вамъ; свезите много меду и другаго питья на могилу моего мужа, потому что прежде свадьбы, я хочу совершить тризну, т. е. поминки по немъ».

Древляне исполнили желаніе Ольги, и въ числѣ 5,000 человѣкъ ждали ея пришествія на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ схороненъ Игорь. Ольга пришла со своею дружиною, но Древлянъ, бывшихъ послами въ Кіевѣ, не было съ нею. «Гдѣ-же наши»? спросили ее. «Они идутъ за мною, отстали», былъ отвѣтъ. Ольга поплакала на могилѣ мужа, а потомъ сѣла пировать съ Древля-

нами, велѣвъ своимъ дружинникамъ имъ прислуживать и постараться напоить ихъ пьяными. Повелѣніе Ольги было исполнено, и когда Древляне, охмѣлѣвъ, какъ полусонные, не понимали, что дѣлается вокругъ, Ольга подала знакъ, и дружина ея бросилась съ оружіемъ на пирующихъ и перебила ихъ. Такимъ образомъ, совершивъ кровавую тризну на могилѣ своего мужа, княгиня воротилась въ Кіевъ и стала уже готовиться къ военному походу на Древлянъ. Все предвѣщало благопріятный для Ольги исходъ войны: около пяти тысячь древлянскихъ воиновъ погибло на тризнѣ, лучшіе и храбрѣйшіе мужи древлянскіе нашли смерть въ ямѣ и въ банѣ, а потому можно было напередъ сказать, что Ольга выйдетъ побѣдительницею изъ борьбы съ ослабленными противниками.

Разбитые въ открытомъ полѣ, Древляне затворились въ Искоростенѣ и рѣшились до послѣдней крайности защищаться, зная, что Ольга въ случаѣ побѣды не пощадитъ ихъ. Ольга съ дружиною подступила къ городу и стала осаждать его. Не смотря, однако, на храбрость своей дружины и ея многочисленность, Кіевская княгиня не могла взять города, защищаемаго поздно взявшимися за умъ Древлянами. Наконецъ, она послала осажденнымъ сказать слѣдующія слова: «Зачѣмъ упорствуете? уже всѣ города ваши въ моихъ рукахъ, платятъ мнѣ дань и пользуются миромъ, вы-же хотите отъ голода умереть въ осадѣ, что-ли»? — «Мы бы рады платить дань, отвѣчали осажденные, но вѣдь ты ею не удовольствуешься, а начнешь опять мстить за мужа».

«Нѣтъ», сказала Ольга, «я уже отомстила два раза въ Кіевѣ, а потомъ на тризнѣ; смиритесь, дайте дань, и я уйду прочь отъ васъ».

— «Какую дань хочешь брать?» спросили Древляне, «дадимъ тебѣ меду и мѣховъ».

«Теперь вы бѣдны и измучены осадою», отвѣтила Ольга, «а потому я требую дани невеликой, не такъ какъ мой покойный мужъ. Дайте мнѣ отъ каждаго двора по три голубя и по три воробья».

Дома нашихъ предковъ въ тѣ времена были деревянные, покрытые соломою, досками или камышемъ, а потому воробьи на нихъ свивали себѣ многочисленныя гнѣзда; что-же касается голубей, то предки наши очень любили эту птицу, и почти на

каждомъ дворѣ была голубятня. Такимъ образомъ, требованіе Ольги показалось Искоростенцамъ очень нетруднымъ и они радовались близкому заключенію мира, купленнаго столь дешевою данью. Воробьи и голуби были доставлены въ лагерь Ольги, которая сказала осажденнымъ: «Идите въ городъ и ждите; завтра я отступлю отъ Искоростеня и пойду обратно въ Кіевъ».

Но радость несчастныхъ Древлянъ была непродолжительна; оказалось, что снисходительность Кіевской княгини была притворная и пущена въ ходъ только затѣмъ, чтобъ нанести имъ окончательный, страшнѣйшій ударъ, который долженъ былъ довершить собою цѣлый рядъ жестокостей, предпринятыхъ съ цѣлью отомстить за мужа. Ольга роздала своимъ дружинникамъ по воробью или голубю, велѣла привязать къ хвостамъ этихъ птицъ связки соломы, сухія щепки и тряпки, пропитанныя сѣрою, и, зажегши все это, пустить ихъ на свободу. Испуганные голуби полетѣли на свои голубятни, а воробьи на крыши тѣхъ домовъ, гдѣ были ихъ гнѣзда, и такимъ образомъ весь городъ въ одно мгновеніе загорѣлся. Тушить пожаръ не было никакой возможности, такъ какъ огонь показался на крышѣ каждаго дома, каждаго сарая. Всѣ пожитки Искоростенцовъ сгорѣли, погибло тоже и много людей, а тѣ изъ нихъ, которые бѣгствомъ изъ города спасались отъ пламени, попадали въ руки Ольгиной дружины и погибали подъ ударами стрѣлъ, мечей, топоровъ и копій. На эту страшную картину кровопролитія и пожара смотрѣла Ольга съ высокаго холма. При ней находился молодой сынъ ея Святославъ, который уже съ дѣтскаго возраста сопровождалъ мать свою въ походахъ, былъ свидѣтелемъ многихъ безчеловѣчныхъ жестокостей, а потому самъ сталъ лютъ и воинственъ; и, выросши, сдѣлался весьма опаснымъ для всѣхъ враговъ своихъ.

Вотъ какъ мстили въ тѣ времена люди, не знавшіе заповѣди Спасителя, который велѣлъ прощать обиды, нанесенныя врагами. Въ наше время такого рода поступки, какъ поступки Ольги, считались бы позорными, недостойными образованнаго человѣка и христіанина. Но тогда было не то: тогда физическая сила и воинственность цѣнились выше всего, а тотъ, кто правдою или неправдою побѣждалъ враговъ своихъ, считался героемъ. Къ этому еще присоединилось и вѣрованіе, что духъ усопшаго только тогда въ будущей жизни можетъ наслаждаться блажен-

ствомъ, когда враги его, оставшіеся въ живыхъ, найдутъ смерть подъ ударами его родственниковъ и друзей. Поэтому, древній Славянининъ считалъ священнымъ долгомъ своимъ месть: братъ мстилъ за брата, жена за мужа, сынъ за отца, отецъ за сына, мужъ за жену. Въ эти отдаленныя времена такихъ судовъ какъ теперь не было; обыкновенно судилъ князь, но такъ какъ онъ долго бывалъ въ походахъ, рѣдко заѣзжалъ въ области, живя постоянно въ столицѣ, то, понятно, что поссорившимся трудно было ждать его рѣшенія и они самоуправно справлялись другъ съ другомъ. Правда, были княжескіе воеводы и тіуны, которымъ князья велѣли творить судъ въ свое отсутсутвіе, но эти воеводы и тіуны не пользовались расположеніемъ народа, который всегда роптalъ на то, что они берутъ взятки и рѣшаютъ дѣло не по справедливости. Поэтому месть представляла собою явленіе довольно частое не только между князьями, но и между людьми обыкновенными.

Но не только обычай мести подвигалъ жену на различныя кровавыя дѣла надъ врагами мужа; любовь къ послѣднему тоже заставляла ее ненавидѣть тѣхъ, которые наносили ему вредъ. Вообще древнія славянскія жены отличались удивительною преданностью мужьямъ своимъ. Бывали часто случаи, что онѣ отказывались отъ жизни, когда лишались мужей, и добровольно шли за ними на костеръ. Одинъ иностранный писатель, жившій за 1,000 лѣтъ до насъ и путешествовавшій въ тѣ времена по землямъ, составляющимъ нынѣ наше отечество, разсказываетъ слѣдующее: «Послѣ смерти одного славянина, вдова его, окруженная родственниками, была подведена къ колодцу; наклонясь надъ нимъ, она долго рыдала, била себя въ грудь и говорила: «Вижу отца и мать, вижу всѣхъ умершихъ своихъ родственниковъ. А вотъ господинъ—мужъ мой!... Онъ сидитъ въ раю прекрасномъ, зеленомъ, съ нимъ сидятъ мужи и юноши, онъ зоветъ меня»... Съ этими словами она бросилась въ колодезь, а люди, бывшіе при этомъ, не пытались даже воспрепятствовать самоубійству и засыпали колодезь землею».

На могилѣ Игоря Ольга совершила поминки или тризну. Этотъ обычай былъ не только въ ходу у князей или знатныхъ, но и у обыкновенныхъ людей. Еще и до настоящаго времени онъ сохранился во многихъ мѣстахъ Россіи, и хотя потерялъ

свой религіозный смыслъ, но переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ наслѣдіе отъ нашихъ отдаленныхъ предковъ. Такъ, напримѣръ, въ извѣстные дни народъ нашъ сходится на кладбища, творитъ молитву за упокой усопшихъ, а потомъ на могилахъ-же располагаются поѣсть и попить, иногда оставляя тамъ до другаго дня различную пищу и питье. Молитвы, которыя читаются народомъ, собравшимся на кладбищѣ, представляютъ собою, конечно, соблюденіе христіанскаго закона, но ѣда и питье суть ничто иное, какъ остатокъ древней языческой старины.

Когда умиралъ славянинъ, то его обыкновенно клали на лугу, и всѣ родственники, друзья и знакомые собирались на похороны. Богатые люди нанимали плакальщицъ, обязанностью которыхъ было лить слезы и завывать, исчисляя всѣ доблести покойника. Родственники садились вокругъ послѣдняго и пировали, предполагая такимъ образомъ, что и умершій принимаетъ участіе въ ихъ пиршествѣ. Затѣмъ слѣдовали различнаго рода игры, главнымъ образомъ такія, которымъ покойникъ любилъ предаваться при жизни; а такъ какъ торжественныя похороны обыкновенно справлялись военачальникамъ, и вообще людямъ храбрымъ и сильнымъ (эти качества въ человѣкѣ въ то время имѣли преимущественное значеніе), то и похоронныя игры носили на себѣ военный характеръ. Гости раздѣлялись на двѣ враждебныя партіи, вооруженныя палками, а иногда вступали въ рукопашный бой. Бывали случаи, что такія игры кончались увѣчьями, и даже смертью нѣсколькихъ борцовъ. Предполагалось, что душа покойника, взирая на битву, радуется своему любимому зрѣлищу. Иногда, послѣ смерти особенно знаменитыхъ людей, родные и друзья наносили себѣ удары ножемъ, царапали себѣ лицо и грудь, говоря, что покойника нужно оплакивать кровью, а не слезами. Послѣ этого устраивали костеръ или «кладу», на который возлагали трупъ и сожигали, поручая огню доставить любимаго человѣка въ новую, загробную жизнь. Такъ какъ они, не просвѣщенные истинами христіанской вѣры, полагали, что будущая жизнь похожа на настоящую, то старались снабдить покойника всѣмъ необходимымъ: клали на костеръ оружіе, одежду и т. д., умерщвляли тутъ-же коня и рабовъ, обрекая такимъ образомъ послѣднихъ на служеніе своему господину и въ жизни будущей. Иногда, какъ было сказано выше, жены изъявляли

желаніе слѣдовать за мужьями и умирали добровольно, что считалось весьма почетнымъ для покойника, а женщина, рѣшившаяся послѣдовать за своимъ мужемъ въ могилу, была тоже предметомъ большаго уваженія и примѣромъ для другихъ.

По понятіямъ нѣкоторыхъ язычниковъ, преимущественно Литовцевъ, племени сосѣдняго и родственнаго Славянамъ, покойники послѣ смерти отправлялись въ рай, находившійся на горѣ, называемой «Анафіеласъ». Гора эта была чрезвычайно крута, скалиста и покрыта скользкимъ льдомъ, а потому взбираться на нее было не легко. Только праведники успѣвали въ этомъ; тѣ же, для которыхъ рай былъ закрытъ, падали со склоновъ этой горы въ бездонныя пропасти. И вотъ, чтобы помочь покойнику взобраться на вершины Анафіеласа, суевѣрный народъ бросалъ на костеръ когти медвѣдей, кошекъ и другихъ звѣрей, предполагая, что покойникъ будетъ ими цѣпляться и такимъ образомъ удержится отъ паденія и вскарабкается на вершину. Прахъ покойника собирали обыкновенно въ сосуды, которые или зарывались въ землю, или ставились на столбахъ тамъ, гдѣ сходится нѣсколько дорогъ. Вотъ почему у нѣкоторыхъ суевѣрныхъ людей перекрестки и по настоящее время считаются мѣстомъ недобрымъ. Кромѣ того въ домахъ сохранялись маленькіе сосуды, въ родѣ кувшинчиковъ, носившіе названіе «слезницъ»; въ нихъ собирали слезы, излитыя по поводу смерти драгоцѣнныхъ друзей и родственниковъ.

Но не всѣ племена сожигали своихъ покойниковъ, нѣкоторые и хоронили ихъ въ землѣ, насыпая надъ ними такъ называемыя могилы, которыя зачастую встрѣчаются въ южной и средней Россіи, и о которыхъ мы говорили въ предъидущей статьѣ.

Различными обрядами праздновались похороны, различными обрядами праздновались и сватьбы. Наши языческіе предки добывали себѣ женъ двумя способами: съ согласія и посредствомъ умыканія. Послѣдній способъ особенно былъ употребителенъ у сельскихъ жителей, живущихъ отдѣльными, часто другъ съ другомъ ссорившимися родами. Если молодой человѣкъ выбиралъ себѣ невѣсту изъ своего села, изъ своего рода, то, конечно, дѣло улаживалось соглашеніемъ, какъ между молодыми, такъ и между родителями. Но если доброму молодцу приглянулась кра-

сная дѣвица изъ другаго рода, то дѣло подъ часъ обходилось не безъ драки. Вообще родители, связанные узами дружбы, родства и общими интересами съ своимъ родомъ, неохотно выдавали дочерей за мужчинъ другаго рода. Между тѣмъ у Славянъ были различныя игры и празднества, напр. зимній праздникъ коляды, лѣтній — красной горки, на которые сходились отдѣльные роды вмѣстѣ. Праздники эти состояли въ пѣніи, пляскѣ, играхъ и т. д., и тутъ-то дѣвицы знакомились съ юношами и подъ часъ сговаривались бѣжать съ ними. Конечно, родъ бѣжавшей станетъ искать ее, станетъ преслѣдовать ея мужа, а отъ этого уже не далеко и до войны, такъ какъ Славяне нравомъ были пылки и легко брались за оружіе. Для предотвращенія такихъ междоусобныхъ войнъ, которыя, вѣроятно, сначала случались весьма часто, вошелъ въ употребленіе обычай давать родственникамъ вознагражденіе за дѣвицу и такимъ образомъ мириться съ ними. Теперь, конечно, у нашего простаго народа похищеніе и уводъ невѣстъ вышелъ изъ употребленія; но тѣмъ не менѣе въ свадебныхъ обрядахъ встрѣчаются остатки этого древняго обычая. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на крестьянскихъ сватьбахъ соблюдается слѣдующее: братъ или родственникъ невѣсты садится около послѣдней, а женихъ или его дружко (другъ) подходитъ къ нему и спрашиваетъ: «Зачѣмъ ты здѣсь сидишь»? «Сестру берегу», отвѣчаетъ спрошенный. «Она уже не твоя, а наша». «Коли-такъ—заплатите мнѣ за кормленіе». Затѣмъ слѣдуетъ отдача нѣсколькихъ мѣдныхъ или серебряныхъ монетъ брату, и женихъ или дружко уводитъ невѣсту въ сторону. Иногда у древнихъ Славянъ случалось, что родственники, помимо желанія дѣвицы, изъ за личныхъ выгодъ продавали ее жениху. На это указываетъ пѣсня, сложенная весьма давно, которая и по настоящее время поется на нѣкоторыхъ крестьянскихъ сватьбахъ:

Братецъ—татаринъ,
Продалъ сестру за талеръ,
Русу косу за полтину.

А бывали и такіе случаи, что женихъ не справлялся ни съ желаніемъ родителей, ни съ желаніемъ дѣвицы, а прямо нападалъ на нее, захватывалъ себѣ насильно и уводилъ въ свое село. Это случалось особенно часто у тѣхъ изъ Славянъ, которые

допускали, чтобы одинъ мужъ имѣли двѣ или три жены. И объ такомъ похищеніи упоминается въ пѣснѣ:

«Родимый ты братецъ мой!
Ты пойди-ка въ темный лѣсъ,
Ты сруби, свали березаньку,
Загороди путь—дороженьку,
Чтобъ жениху да съ товарищами
Нельзя было къ намъ наѣхати.

Значитъ, умыканіе или похищеніе было трехъ родовъ: когда не хотѣли согласиться на бракъ родичи, когда не хотѣла невѣста, и, наконецъ, когда и родичи и невѣста были противъ брака. Но въ городахъ, гдѣ увозить и скрываться было труднѣе, браки совершались не умыканіемъ, а съ согласія. Такимъ-же точно образомъ они происходили и тогда, когда невѣста и женихъ были изъ одного села. Конечно, церковнаго вѣнчанія не было, потому что за тысячу лѣтъ до насъ и церквей не было на Руси, и народъ не исповѣдовалъ христіанской вѣры, но вѣнчаніе сопровождалось различными языческими обрядами: новобрачныхъ обводили три раза вокругъ куста («вкругъ ракитова куста») или вокругъ дерева («вокругъ ели»).

Дома Славяне, какъ сказано было прежде, не отличались опрятностью и удобствомъ; простота жизни происходила какъ отъ малой образованности народа, такъ и отъ его бѣдности. Не смотря однако на бѣдность, Славяне отличались гостепріимствомъ, которымъ восхищаются всѣ писатели того времени. Встрѣчая враждебно иноплеменника на войнѣ и пуская въ ходъ разныя жестокости и хитрости противъ него, Славянинъ, казалось, пылалъ ненавистью ко всему тому, что не принадлежало къ его роду и племени; но если иноплеменникъ приходилъ мирнымъ странникомъ подъ кровъ незатѣйливаго славянскаго дома, то въ его жителѣ онъ встрѣчалъ лучшаго друга, готоваго на всѣ опасности, лишь бы только предохранить гостя отъ какой бы то ни было бѣды. Гость у Славянина пользовался величайшимъ почетомъ: передъ нимъ на столѣ ставили лучшія кушанья и напитки, его провожали изъ села въ село и всѣ жители добивались, какъ чести великой, посѣщенія гостя. «Гость въ домъ—Богъ въ домъ» говоритъ одна славянская поговорка.

Такъ какъ славянскія земли представляли собою въ тѣ времена много непроходимыхъ болотъ, лѣсовъ и степей, то путе-

шествіе по нимъ было чрезвычайно затруднительно, и рѣдко туда заглядывали иностранцы. Поэтому Славяне имѣли мало случаевъ слышать про то, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, почти не знали другихъ народовъ. Но вотъ является странникъ; онъ разсказываетъ про великіе города, находящіеся на западѣ, про западныхъ царей и ихъ дѣянія, про то, какъ въ его отечествѣ живутъ, какъ одѣваются, что ѣдятъ, что пьютъ; и Славянинъ слушаетъ со вниманіемъ повѣсть про эти неизвѣстныя для него вещи. Скучна и однообразна была жизнь нашихъ предковъ; но это однообразіе нарушалось, когда являлся странникъ: вся семья собиралась вокругъ него при огнѣ и слушала его чудные разсказы, которые, долго по уходѣ гостя, бывали предметомъ думъ и разговоровъ въ славянской хижинѣ. Вотъ почему у Славянъ является желаніе заманить гостя подъ свой кровъ, вотъ почему они стараются удержать у себя путешественника сколь возможно дольше, и, предоставляя въ его распоряженіе лучшее добро свое, стараются заслужить себѣ награду — повѣсть про тѣ дѣянія и чудеса, которыя и не снились бѣдному Славянину. Да притомъ, предокъ нашъ зналъ, съ какими неудобствами сопряжено путешествіе; онъ самъ неоднократно застигался мятелью въ степи, дикимъ звѣремъ въ лѣсу, самъ голодалъ не разъ и на себѣ испыталъ, какъ пріятно послѣ труднаго перехода посидѣть у гостепріимнаго огня, выпить меду или пива для подкрѣпленія силъ, утолить голодъ кускомъ хлѣба съ творогомъ и жаренымъ мясомъ, уснуть на мягкой шкурѣ, въ мѣстѣ, свободномъ отъ дождя и холоднаго вѣтра. А тотъ, кто самъ испыталъ бѣду, скорѣе подастъ помощь другому; кто самъ голодалъ, тотъ понимаетъ, какъ это непріятно, и охотно предложитъ кусокъ хлѣба неимущему брату. Если Славянинъ, истомленный дорогой, стучался въ попавшуюся на пути хижину, прося позволенія войти и отдохнуть, но получалъ отказъ, то онъ въ припадкѣ гнѣва призывалъ боговъ своихъ къ мщенію тѣмъ, которые съ нимъ обходятся столь безчеловѣчно. Вѣря-же въ силу и могущество боговъ своихъ, онъ не хотѣлъ, чтобъ обиженный имъ странникъ проклялъ его, и потому открывалъ дверь гостю и угощалъ его чѣмъ могъ.

Иностранецъ Гельмольдъ, путешествовавшій по землѣ славянской, разсказываетъ, что всѣ его просили завернуть къ нимъ

хоть на минуту. Одинъ знатный Славянинъ, у котораго онъ гостилъ, далъ въ честь него обѣдъ, состоявшій изъ двадцати блюдъ. Страсть къ пышнымъ угощеніямъ была до того вкоренена въ Славянахъ, что они иногда добывали грабежемъ и воровствомъ разное добро для того, чтобы достойнымъ образомъ принять, накормить и напоить странника. Такое поведеніе не считалось предосудительнымъ. Если случалось, что кто нибудь не принималъ странника, то всѣ другіе единогласно называли негостепріимнаго человѣка безчестнымъ, подлымъ, а иногда гнѣвъ доходилъ до того, что сожигали хижину виновнаго. У нѣкоторыхъ Славянъ былъ обычай отдѣлять въ домѣ одну комнатку, которая получала названіе гостинной. Она предназначалась для гостей и предоставлялась въ ихъ полное распоряженіе. Въ ней всегда на всякій случай стоялъ столъ съ хлѣбомъ и солью, сосудъ съ медомъ или пивомъ, чтобы гость, явившись въ домъ нечаянно, даже въ отсутствіе хозяина, имѣлъ возможность отдохнуть и покрѣпить свои силы.

Познакомивъ нашихъ читателей съ нѣкоторыми чертами жизни древнихъ Славянъ, мы въ слѣдующій разъ разскажемъ, въ какихъ боговъ они вѣрили, какіе религіозные обряды совершали и какъ, наконецъ, при князѣ Владимірѣ Святомъ—сдѣлались христіанами.

Б. Павловичъ.

МАЛЕНЬКІЙ ШАЛУНЪ.

Трудно было найти мальчика шаловливѣе Коли. Утромъ, только что выглянетъ солнышко, онъ уже вскочитъ и перебудитъ всѣхъ; и мало ему растревожить мать и няню, онъ пойдетъ еще по кухнямъ и по людскимъ, тамъ всѣхъ растолкаетъ и не угомонится до тѣхъ поръ, пока весь домъ не подыметъ вверхъ дномъ.

О его вѣчно испачканной физіономіи, вѣчно изорванномъ платьѣ и башмакахъ и говорить нечего! Никакой не было возможности напасти на него достаточно чистой одежды и достаточное число разъ въ день заставить его вымыться. Часто бывали и такія шалости, которыя очень огорчали его мать, которая часто плакала, видя, что Коля ея дѣлается большой, потому что ему минуло уже 7 лѣтъ, а не становится отъ этого ни умнѣй, ни послушнѣй.

Надо сказать, что Коля не былъ дурной мальчикъ; напротивъ, у него было доброе сердце, что мы увидимъ изъ слѣдующаго разсказа. Бѣгалъ онъ разъ по саду, когда до слуха его донеслись стоны съ той стороны забора. Онъ подошелъ взглянуть въ щель и увидѣлъ бѣдную старуху нищую, усталую, съ окровавленными отъ ходьбы по камнямъ ногами, измученную, полулежащую на травѣ у забора съ крошечнымъ ребенкомъ на рукахъ. Сердце Коли сжалось при видѣ грустной картины; первою мыслью его было перелѣзть черезъ заборъ и идти къ нимъ на помощь, но заборъ, своей высотой, умѣрилъ его порывъ, и онъ ограничился тѣмъ, что въ щелку заговорилъ:

— «Бабушка! а бабушка! Что съ тобой?»

Старуха вздрогнула, крѣпче прижала ребенка и, какъ бы въ испугѣ, встала съ намѣреніемъ уйти.

— «Не уходи, бабушка!—закричалъ ей Коля,—не бойся! я здѣсь за заборомъ. Ты больна что-ли? Иди къ намъ; мама моя поможетъ тебѣ».

— Милостыньку, Христа ради, сотворите, кормилицы наши родные!—отвѣчала старуха, успокоиваясь и снова усаживаясь на траву.

— «Да нѣтъ у меня ничего, бабушка; а вотъ, если хочешь, я тебѣ дамъ огурцовъ, моркови»...—и быстрыми рученками онъ началъ рвать огурцы, морковь и передавать ихъ старухѣ черезъ яму, прорытую подъ заборомъ, собаками вѣроятно.

— «Спасибо тебѣ, родной,—говорила ему старуха,—Господь наградитъ тебя»,—а сама смотритъ на него въ щелку, и слезы у ней навертываются.

— «Откуда ты, бабушка?»

— «Изъ Псковской губерніи, кормилецъ; изъ Псковской. Бѣдняки мы всѣ тамъ, край на край не сходится—вотъ у васъ благодать какая; а у насъ чернозему то нѣту! Сколько, сколько надо поту пролить, да походить надъ нашей землей, чтобы она спородила тебѣ хлѣбца. Вотъ въ городъ вашъ внучка несу сыну своему, мать у него померла; да и не знаю дойду-ли, больно ужь тошно приходится».

— «Бабушка, возьми мои башмаки! вскричалъ Коля,—да обойди кругомъ на дворъ къ намъ, пока я побѣгу къ мамѣ и скажу ей».

Отдавъ ей свои башмаки, ни минуты не подумавъ о томъ, какъ они ей влѣзутъ, онъ стрѣлой полетѣлъ домой къ матери, въ однихъ чулкахъ, и со слезами на глазахъ разсказалъ ей о бѣдной старухѣ.

Старуха прожила у нихъ нѣсколько дней, а потомъ, при первомъ случаѣ, давъ ей нѣсколько денегъ, они отправили ее на своей подводѣ въ городъ.

Итакъ Коля былъ добрый мальчикъ. Мать свою онъ любилъ чрезвычайно, радъ былъ-бы всегда быть ей пріятнымъ, приходилъ въ отчаяніе, когда замѣчалъ, что шалости его доводили ее до слезъ, но, по своей необыкновенной вѣтренности и легкомыслію, черезъ минуту забывалъ все и снова начиналъ шалить.

Особенно портилъ его одинъ мальчикъ, сынъ управляющаго Колиной матери, жившій съ ними по сосѣдству. Звали его Васей. Онъ былъ старше Коли годами тремя. Это былъ нехорошій, злой ребенокъ. Хотя мать Коли запретила ему видѣться съ Васей, но тѣмъ не менѣе они все-таки иногда встрѣчались, а встрѣчаясь не могли не разговаривать, и Коля, такимъ образомъ, набирался отъ него новыхъ, шаловливыхъ выдумокъ чуть не на цѣлый мѣсяцъ.

Разъ, какъ-то, Колина мать уѣхала въ городъ на два дня, и, уѣзжая, очень просила его быть безъ нея умнымъ, не шалить и обрадовать ее при возвращеніи своимъ хорошимъ поведеніемъ. Коля обѣщалъ и въ душѣ рѣшилъ, что ничто, ничто не заставитъ его теперь ослушаться матери и что всѣ эти 2 дня онъ будетъ вести себя примѣрно, чтобы заслужить себѣ ея довѣріе.

Все первое утро послѣ отъѣзда матери онъ проработалъ въ саду, а послѣ обѣда, взявъ книгу въ руки, сѣлъ у воротъ на скамейкѣ. Онъ весь углубился въ разсматриваніе картинокъ, какъ вдругъ услыхалъ около себя голосъ Васи.

— «Что ты какъ старая баба сидишь?» а самъ вертится передъ нимъ на одной ножкѣ и показываетъ ему языкъ и носъ.

— «Вовсе не какъ старая баба,—отвѣчалъ Коля,—просто я обѣщалъ мамѣ хорошо вести себя, пока она въ городѣ, и хочу сдержать слово, да и къ тому же мнѣ грустно».

— «Да что съ тобой? Разскажи.—Авось и пособлю горю».

— «Нѣтъ, не пособишь! Мнѣ скучно, потому что маму очень жаль. Ее такъ всегда огорчаетъ, когда я шалю, а я никакъ не могу — скучно сдѣлается, пойду побѣгать, а тамъ и самъ не знаю какъ—непремѣнно что-нибудь напрокажу; меня поймаютъ, и опять бѣдная мама въ отчаяніи, да и мнѣ не весело. Никакъ не могу съ собой справиться, чтобъ не шалить!»

— «Экая бѣда, подумаешь! насмѣшливо сказалъ Вася. — А ты дѣлай такъ, чтобы тебя не видали и не поймали; ну а поймаютъ, сейчасъ на другаго кого-нибудь свали — вотъ на меня хоть; я готовъ служить другу».

— «Ахъ, какой ты добрый Вася! вскричалъ глупенькій Коля, кидаясь къ нему на шею.—Конечно, такъ можно шалить; и мнѣ весело будетъ, и маму не буду огорчать. Ахъ, какъ это отлично!

Пойдемъ же скорѣй бѣгать, да и придумай что-нибудь очень веселое. Ты вѣдь мастеръ выдумывать разныя штуки».

— «Пойдемъ,—сказалъ Вася,—на огородъ къ моему отцу и начнемъ съ того, что огурцовъ наѣдимся. Ты любишь огурцы? Тебѣ вѣдь не даютъ ихъ много ѣсть?»

— «Нѣтъ, не даютъ».

— «Ну такъ побѣжимъ же скорѣе».

И оба мальчика побѣжали по направленію къ огороду такъ быстро, что только подошвы замелькали.

Добѣжать до огорода была не штука, а какъ въ него попасть? Ходили, ходили оба мальчика съ трехъ его сторонъ вокругъ высокаго забора, видѣли въ щели его сотни соблазнительныхъ огурцовъ, рѣпъ, подсолнуховъ, но перелѣзть туда не представлялось никакой возможности. Хоть Вася и хвасталъ, что если бы онъ былъ одинъ, то непремѣнно перелѣзъ бы черезъ заборъ, но Коля сильно въ этомъ сомнѣвался. Сомнѣніе это задѣло Васю за живое.

— «Говорю тебѣ, что перелѣзу»! вскричалъ онъ, «а за то, что ты мнѣ не вѣришь, такъ я оставлю тебя одного на этой сторонѣ. Ну, смотри».

И онъ полѣзъ. Долго карабкался онъ, стараясь подниматься по гладкимъ, не представлявшимъ никакой опорной точки, шестамъ забора. Вотъ ужь онъ почти влѣзъ до верху, схватился рукой за острый конецъ одного изъ шестовъ и хотѣлъ поставить ногу на перекладину, какъ вдругъ гнилой конецъ шеста сломался подъ его тяжестью и Вася чуть не полетѣлъ внизъ головой, но къ счастію успѣлъ задержаться за перекладину. Сильно струсилъ онъ возможности упасть второй разъ съ довольно высокаго забора, и постарался скорѣй спуститься обратно.

— «Что, не перелѣзъ»? дразнилъ Коля.

— «Не перелѣзъ оттого, что жаль стало тебя оставить тутъ одного», отвѣчалъ Вася съ хвастливымъ видомъ.

— «Ладно, разсказывай», продолжалъ Коля. «Пойдемъ лучше попытать счастья съ четвертой стороны огорода, изъ цвѣтника».

Дѣйствительно оказалось, что съ этой стороны въ заборѣ были широкія щели, въ которыя если нельзя было пролѣзть самому, то за то рукой можно было свободно доставать огурцы съ другой стороны.

— «Рукой не ловко, замѣтилъ Вася, пожалуй изранишься о шипы и заборъ; а лучше удочку устроимъ».

Доставъ длинный, гибкій шестъ, онъ насадилъ на его конецъ крѣпкій крючекъ изъ гвоздя, присѣлъ на корточки у забора и очень ловко началъ удить этого рода рыбу. Коля-же въ это время ходилъ кругомъ и караулилъ отъ всякой возможной опасности.

Такимъ образомъ наѣлись они преблагополучно, счастіе благопріятствовало имъ, никто не помѣшалъ. Когда имъ это надоѣло, они начали бѣгать по цвѣтнику, разрыли нѣсколько грядъ, разогнали на дворѣ по разнымъ направленіямъ куръ, стащили у отца Васи съ окна чудную грушу и бутылку квасу, и наѣвшись, напившись и напроказивъ вдоволь, разошлись по домамъ.

При прощаніи Вася обратился къ Колѣ:

— «Смотри-же, ни гу-гу дома! Если кто спроситъ гдѣ былъ, скажи что на сѣновалѣ спалъ; а если ужь крайность придетъ, такъ на меня все свали—между друзьями надо всегда такъ дѣлать».

— «Никто не спроситъ, отвѣтилъ Коля, вѣдь мамы нѣтъ дома», и дурное чувство радости, что ея нѣтъ, мелькнуло у него на душѣ.

Возвратившись домой, Коля принялся опять за свою книгу, но не долго просидѣлъ надъ ней: огурцы, рѣпа, груша, квасъ, не прошли ему даромъ, у него сдѣлалась такая боль въ животѣ, что онъ началъ плакать. «Не даромъ, значитъ, мама не давала ѣсть огурцовъ въ волю, подумалъ онъ; значитъ, она знала, что я заболѣю отъ нихъ».

Няня уложила его въ постель, поставила ему горчичникъ, напоила горячимъ и все допрашивала гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ и не съѣлъ-ли чего вреднаго. Стыдно, очень стыдно было Колѣ лгать! Обманывая няню, онъ далеко пряталъ свое лицо подъ подушку, но все таки, чтобъ не выдать Васю, онъ увѣрялъ, что все время спалъ на сѣновалѣ и ничего не ѣлъ. На бѣду его, няня вспомнила, что она видѣла его изъ окна бѣгущимъ съ Васей къ дому управляющаго; но Коля, хотя и очень струсилъ, но все таки уперся и стоялъ на томъ, что этого не было.

На другой день утромъ Коля былъ совершенно здоровъ, и, увидавъ изъ окна своей дѣтской, что Вася звалъ его знаками на улицу, онъ украдкой выбѣжалъ къ нему, разсказалъ о своей

вчерашней болѣзни и о томъ, что няня видѣла ихъ и можетъ потомъ разсказать объ этомъ матери. Потомъ Коля хотѣлъ уйти домой.

— «А когда такъ, сказалъ Вася, если ты не хочешь со мной знаться, я сейчасъ-же пойду и разскажу отцу, что это ты вчера съѣлъ огурцы, грушу, выпилъ квасъ и попортилъ цвѣтникъ».

— «Поди, разскажи, отвѣчалъ Коля. Я даже радъ буду, я не привыкъ лгать, меня мучило, что изъ за тебя я обманулъ няню,— пойди скажи своему отцу, а я мамѣ сознаюсь во всемъ, когда она пріѣдетъ».

«Такъ ты думаешь, что я такъ глупъ, что приму на себя половину вины? сказалъ Вася. Нѣтъ, это ужь мое вамъ почтеніе! Ужь если я пойду разсказывать отцу, то, разумѣется, постараюсь самъ остаться въ сторонѣ и накажутъ тебя одного».

Этого Коля не ожидалъ. Только и не доставало, чтобы мало того, что его ложь открылась, да и еще и всю остальную вину на него бы свалили.

Боже мой, какъ стыдно ему будетъ тогда! Нѣтъ, лучше ужь съ Васей оставаться, лишь бы онъ молчалъ, — авось и такъ никто ничего не узнаетъ! И онъ послѣдовалъ за нимъ.

Отправились они вмѣстѣ въ поле, бѣгали тамъ, помяли множество ржи, и, возвращаясь по деревнѣ домой, встрѣтили какую-то несчастную, худую, испуганную собаченку, вѣроятно случайно забѣжавшую откуда нибудь въ ихъ село.

«Смотри, Вася, какая бѣдная собака», сказалъ Коля и побѣжалъ за ней, чтобы ее приласкать. «Пойдемъ домой, накормимъ ее».

— «Экая нужда кормить всѣхъ собакъ! Да ты никакъ жалостливый, какъ дѣвочка какая нибудь?»

Коля покраснѣлъ и, какъ будто не слыша, гладилъ собаку.

«А впрочемъ пойдемъ, прибавилъ Вася, сами чего нибудь поѣдимъ, а потомъ я придумалъ, какую мы съ ней штуку устроимъ»!

Дома они позавтракали, накормили собаку, а потомъ Вася отыскалъ гдѣ то старую, никуда не годную сковороду и, крѣпко навязавъ ее на хвостъ несчастной собаки, пустилъ ее бѣжать по улицѣ, предварительно крѣпко стегнувъ ее хлыстомъ.

Отчаянная, испуганная, съ визгомъ помчалась она по дерев-

нѣ, а за ней погналась и вся стая деревенскихъ собакъ, къ неописанному веселью Васи, который такъ и катался со смѣху. Коля даже, которому сперва очень не нравилась эта выдумка, и тотъ увлекся, глядя на веселье товарища, и они оба побѣжали за собаками, чтобы посмотрѣть, чѣмъ все это кончится.

Пробѣжавъ нѣсколько времени, они увидали выскочившую изъ избы бабу съ метлой, которая помогла ей разогнать стаю собакъ, настигшихъ уже несчастную собаченку со сковородой и успѣвшихъ уже покусать ее во многихъ мѣстахъ. Она нагнулась къ израненой собаченкѣ, взяла ее на руки и хотѣла нести въ избу, когда замѣтила нашихъ мальчиковъ и поняла чьи это были штуки.

«Ахъ, вы, озорники»! принялась она бранить ихъ. «Вишь, безбожники какіе! И не грѣхъ вамъ? Бѣдная собака еле ходитъ, а они еще травить вздумали! «Погодите, баловники вы этакіе! вотъ разскажу я про васъ барынѣ, такъ задастъ она вамъ, какъ собакъ мучить! А еще барчи называются, хуже всякаго деревенскаго мальчишки! Съ жиру бѣсятся»!

И ворча, старуха отвязывала скворoду съ хвоста собаки, которая съ благодарностью лизала ей руки. Коля былъ совершенно прпстыженъ ея словами, тѣмъ болѣе, что вполнѣ сознавалъ, что дурно было съ его стороны позволить Васѣ мучить собаку, но этотъ послѣдній разсмѣялся и увлекъ за собой Колю, сказавъ:

«Что тутъ слушать старую вѣдьму! -пойдемъ. Вишь ты, жаль ей стало дрянную собаченку».

— «Нѣтъ, Вася, мы не хорошо сдѣлали, что мучили ее и натравили на нее собакъ,—вѣдь ее искусали всю, да и хвостъ, я думаю, болитъ у ней, ты вѣдь изо всей силы ей затянулъ его.

— «Ну, ты тоже такая же старая баба! пойди, ворчите тамъ съ ней вмѣстѣ. Мнѣ и безъ тебя весело будетъ».

— «Ну вотъ, ты и разсердился! Я говорю только, что мнѣ жаль было собаку, но все таки смѣшно было смотрѣть, какъ она тащила за собой сковороду». И при одномъ воспоминаніи объ этомъ, Коля залился громкимъ смѣхомъ, забывши уже что говорила старуха и какой несчастный видъ имѣла собака.

Скоро однако мысль, что баба пожалуется на нихъ, поубавила нѣсколько ихъ веселость и, когда Вася предложилъ Колѣ

пойти къ нему въ гости и они вошли въ домъ, то рѣзвость ихъ уже уменьшилась на половину и они очень скромно усѣлись за партію дурачковъ; а потомъ Вася повелъ его по всему дому, показалъ ему всѣ свои вещи, накормилъ его лакомствами, такъ что Колѣ приходилось только удивляться добротѣ и любезности своего милаго хозяина и не понимать, почему мама считала его такимъ дурнымъ и никогда не позволяла Колѣ бывать у него. Долго они еще играли, но на душѣ у Коли было очень непокойно, такъ какъ уже двѣ жалобы на него, отъ бабы и няни, ожидаютъ его мать по пріѣздѣ.

Между тѣмъ пришло наконецъ время идти Колѣ домой, такъ какъ и мать его должна была скоро вернуться.

— «Постой, остановилъ его Вася, какую хорошенькую вещь я сейчасъ покажу тебѣ!» и онъ принесъ ему чудныя маленькія ножницы, кольца которыхъ были обтянуты краснымъ сафьяномъ.

— «Ахъ, какая прелесть, сказалъ Коля. Откуда онѣ у тебя?»

— «Это отецъ мнѣ вчера изъ города привезъ ихъ. Если хочешь, если онѣ нравятся тебѣ, то возми ихъ, я радъ буду доставить тебѣ ими удовольствіе, тѣмъ болѣе, что мнѣ ихъ не нужно. Только смотри, никому, никогда, не говори о нихъ, а то отецъ мой очень разсердится, если узнаетъ, что я отдалъ его подарокъ. А теперь, прибавилъ онъ, иди скорѣе домой, сейчасъ мой отецъ придетъ, да и твоя мать пріѣдетъ.»

Простившись съ Васей и отъ души поблагодаривъ его за чудный подарокъ, Коля, тихо переступая, сходилъ со ступенекъ дома, разсматривая и любуясь своими ножницами; какъ вдругъ услыхалъ шумъ, поднялъ голову и увидѣлъ входящаго на крыльцо отца Васи. Первымъ движеніемъ Коли было — сунуть ножницы подъ правый рукавъ куртки.

— «Здравствуйте, Коля, — сказалъ Васинъ отецъ. — Какъ поживаете? Много шалите? Какими судьбами вы къ намъ попали?... Что съ вами?...»

— «Ахъ, ахъ, пустите мою руку!» кричалъ бѣдный Коля, прыгая отъ боли на одномъ мѣстѣ, а кровь такъ и текла у него изъ руки.

Дѣло въ томъ, что когда онъ пряталъ ножницы, то только кольцо ихъ ушли подъ рукавъ, а все остріе осталось у него въ ладони, и когда управляющій своей могучей рукой сжалъ его

маленькую ручку, то остріе вонзилось ему въ ладонь, и вотъ причина его криковъ и текущей крови.

Разумѣется, отецъ Васи тотчасъ же освидѣтельствовалъ ему руку и не мало удивился, найдя въ ней свои только вчера купленныя ножницы, которыя, какъ оказывается, и не думалъ дарить своему сыну.

Вася прибѣжалъ на шумъ, и вмѣсто того, чтобы сознаться въ своей винѣ, для оправданія Коли, онъ сказалъ отцу, что этихъ ножницъ онъ никогда не видалъ, что вѣроятно Коля стащилъ ихъ, и что вчера, когда отецъ его не зналъ за кого взяться за порчу огорода и цвѣтника, онъ только молчалъ, потому что ему было стыдно за Колю, а что теперь, когда тотъ не постыдился взять чужую вещь, Вася сознается безъ всякой къ нему жалости, что и вчера все это Коля надѣлалъ.

Напрасно Коля старался найти слово для своего оправданія; Вася умѣлъ уличать его на каждомъ шагу, и кончилось тѣмъ, что сконфуженнаго, уничтоженнаго, пристыженнаго, его отпустили домой.

Трудно выразить чувства, волновавшія бѣднаго мальчика по дорогѣ домой! Какъ явится онъ передъ матерью? что скажетъ ей? такъ ли сдержалъ онъ свое слово? повѣритъ-ли она, что на него налгали? До сихъ поръ она вѣрила ему всегда, но послѣ этой исторіи странно было бы, если бы она не потеряла къ нему всякое довѣріе. Единственное до сихъ поръ его достоинство было, это — его правдивость, а теперь, съ той самой минуты какъ сошелся онъ съ Васей, вопреки запрещенію маменьки, сколько надѣлалъ онъ тяжкихъ проступковъ и какъ ужасно онъ за нихъ наказанъ! Заливаясь слезами, съ обвязанной рукой, пришелъ онъ домой и засталъ мать не только уже вернувшеюся, но и знавшею уже и о его вчерашней болѣзни, и объ исторіи съ собакой, и о томъ, что и теперь онъ былъ у Васи.

— «Мама, мама, простишь ли ты меня когда нибудь? вскричалъ, кидаясь къ ней, Коля. Выслушай меня, мама, дорогая, выслушай! Помоги мнѣ оправдаться! безъ твоей защиты я пропаду: меня воромъ назвали, меня воромъ считаютъ!»... и онъ разсказалъ матери все какъ было.

Хоть и хотѣлось ей повѣрить во всемъ Колѣ, но примѣръ послѣднихъ дней заставлялъ ее бояться, что и теперь онъ не со-

всѣмъ чистосердеченъ, и потому, скрѣпя сердце, она отказала ему въ своемъ ходатайствѣ за него передъ управляющимъ и прибавила, что пусть отказъ этотъ послужитъ ему вмѣсто наказанія.

Вся эта исторія такъ подѣйствовала на нее, что она въ тотъ же день заболѣла и должна была лечь въ постель. Отчаяніе Коли, его угрызенія совѣсти трудно себѣ вообразить. Цѣлые часы проводилъ онъ у дверей комнаты своей матери, боясь къ ней войти, и вмѣстѣ съ тѣмъ желая каждую минуту знать, что съ ней дѣлается. Мысль о Васѣ стала ему просто ненавистна, и онъ началъ придумывать, чѣмъ-бы отомстить ему. Съ каждымъ днемъ желаніе это дѣлалось сильнѣе, потому-что онъ не могъ не замѣчать, какъ всѣ въ домѣ стали сухо обращаться съ нимъ, и няня даже начала прятать отъ него разныя мелочи и лакомства.

Уже четыре дня продолжалось это печальное положеніе, а мать Коли все не выздоравливала, и онъ все еще не могъ придумать чѣмъ-бы отомстить Васѣ.

Весь предавшись этой, не совсѣмъ-то хорошей мысли, ходилъ онъ разъ по саду и машинально, самъ не замѣчая того, добрелъ до рѣки. Она была очень широкая и глубокая. Вспомнивъ запрещеніе матери подходить къ рѣкѣ одному, онъ хотѣлъ уже вернуться, когда вниманіе его было привлечено какимъ-то особеннымъ плескомъ воды и, вскорѣ послѣ того, отчаянными криками, по которымъ онъ узналъ Васю. Въ секунду забылъ онъ всю свою злобу на него и опрометью бросился по направленію криковъ. Когда онъ добѣжалъ, Вася былъ уже весь въ водѣ и барахтался, стараясь удержаться на поверхности. Не думая, не помня себя отъ ужаса при видѣ тонущаго товарища, Коля сперва началъ кричать, звать на помощь, но, не видя никого, самъ бросился въ воду и, хоть не умѣлъ плавать, кое какъ добрался до Васи и они схватились другъ за друга. Между тѣмъ Вася совсѣмъ уже ослабѣлъ и, не въ силахъ будучи болѣе бороться съ водой, увлекалъ за собой Колю, который напрасно старался биться и держаться на водѣ. Наконецъ силы и его покинули и онъ больше ничего не помнилъ.

Когда онъ опомнился, онъ увидѣлъ себя дома, на своей кровати, около которой сидѣла его мать. Сперва онъ ничего не

могъ понять, потомъ мало по малу память начала приходить къ нему, и первымъ его вопросомъ было:—«Что съ Васей?»

— «Ничего, мой другъ», отвѣчала мать, «Успокойся и постарайся заснуть.»

Такъ прошло нѣсколько дней въ продолженіе которыхъ у Коли былъ постоянный бредъ и жаръ, но наконецъ онъ выздоровѣлъ, началъ выходить изъ дома, и тогда только ему объявили, что бѣдный Вася утонулъ. Коля узналъ, что крики ихъ были услышаны работникомъ, который рубилъ лѣсъ на горѣ надъ рѣкой. Онъ видѣлъ, какъ Коля бросился на помощь Васи, самъ тотчасъ-же сбѣжалъ внизъ, но, когда доплылъ до мальчиковъ, то могъ уже вытащить одного Колю. Вѣроятно, Вася, потерявъ сознаніе, выпустилъ Колю изъ рукъ и пошелъ ко дну, а работникъ успѣлъ схватить только Колю. Безъ сознанія принесли его домой, и хоть очнулся онъ скоро, но долго былъ болѣнъ простудною горячкой, ничего не понималъ, что вокругъ него дѣлается и бредилъ все Васей и тѣмъ, что мама, которую онъ такъ любитъ, не вѣритъ ему и не прощаетъ его.

Мать, видя какой добрый мальчикъ ея сынъ, поняла, что она не права была, не повѣривши сначала его раскаянію и стала еще больше добра и ласкова съ нимъ; а Коля, еще раньше рѣшившійся исправиться, послѣ этого ужаснаго случая съ Васей, совсѣмъ сталъ разсудителенъ и отлично зажилъ съ своей мамой.

С. Махова.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВОЛГѢ

НИКОЛАЯ РОО,

баккалавра Оксфордскаго университета.

(Съ англійскаго) *).

Древніе географы: Птоломей, Помпоніусъ, Мела и другіе не знали вѣрнаго теченія Волги, которую они называли Большой Рѣкой, и очень мало или почти ничего не знали про народовъ, которые жили по ея берегамъ, но предполагали, что она протекаетъ по землѣ Скиѳовъ и Сарматовъ. Геродотъ, описывая нравы Массалетянъ, пораженіе и смерть Кира, основаніе Персидской монархіи, хотя и упоминаетъ про Волгу, но только подъ названіемъ Араксиса.

Въ древности существовало оченъ важное сообщеніе для каравановъ между средней Азіей и Чернымъ моремъ, что было отчасти причиной задержки развитія племенъ, жившихъ по его берегамъ.

Позже сильное государство Гунновъ, Хозаровъ и Болгаръ было основано на берегахъ Волги. Могущество Болгаръ ослабѣвало мало по малу отъ безпрестанныхъ войнъ съ Русскими; эти войны замѣчательны тѣмъ, что были причиной перенесенія столицы Великаго Княжества Россійскаго во Владиміръ, и съ этихъ-то поръ и начинается владычество и основаніе Русскихъ владѣній по Волгѣ.

Волга беретъ свое начало въ Осташковскомъ уѣздѣ, Тверской

---

*) Помѣщая настоящій переводъ, Редакція не сдѣлала никакихъ измѣненій въ статьѣ, чтобы не лишить ее національнаго колорита. *Ред.*

губерніи, на сѣверо-востокъ отъ Валдайской плоской возвышенности; проходя, небольшимъ ручьемъ, нѣсколько озеръ, она наконецъ является настоящею рѣкою, вытекая изъ озера Волго, отъ котораго и получаетъ свое названіе. Въ 3-хъ миляхъ отъ ея истока есть мели, откуда до Астрахани считается 2197 миль*). Судоходной же рѣкой становится она только въ Твери, гдѣ ширина ея 200 саж. и глубина 2 ф.

Въ первые мы познакомились съ этой царицей европейскихъ рѣкъ въ г. Царицынѣ, 300 милями выше Астрахани. Мы возвращались изъ Калача, на Дону, по желѣзной дорогѣ, построенной Американской компаніей, но теперь перешедшей въ руки Русскаго правительства. Первое время всѣ члены этой компаніи были только одни Американцы; мы же застали только одного представителя, но и онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ возможности поскорѣй возвратиться на родину.

Единственная порядочная гостинница въ городѣ недавно сгорѣла, такъ что мы были принуждены возвратиться на нашъ пароходъ и поторопиться занять постели. Не смотря на торговую пристань и на то что товары постоянно привозятъ по рѣкѣ и по желѣзной дорогѣ, Царицынъ имѣетъ, какъ и всѣ Русскіе города, исключая Петербурга и Москвы, видъ полумертваго города. Вся жизнь сосредоточена у пристаней, а улицы, находящіяся вдали отъ нихъ, хотя и красивы, но почти совершенно безлюдны. Царицынъ первоначально былъ укрѣпленнымъ городомъ, и до сихъ поръ еще остались слѣды рва его окружавшаго и дорога, которая соединяла Волгу съ Дономъ. Это мѣсто было театромъ многихъ грустныхъ событій Русской исторіи.

Царицынъ, основанный во времена присоединенія Астраханскаго царства къ Россіи, былъ взятъ и разграбленъ въ 1669 г. извѣстнымъ разбойникомъ — Стенькой Разинымъ, выдававшимъ себя за Императора Петра III-го. Впослѣдствіи его схватили и отвезли въ желѣзной клѣткѣ въ Москву, гдѣ и до сихъ поръ еще, въ главной тюрьмѣ, показываютъ цѣпи въ которыя онъ былъ закованъ.

Исторія Царицына говоритъ, что когда Петръ Великій посѣтилъ его въ 1722 г., то подарилъ жителямъ города свою

*) Англійская миля равна почти 1½ версты; ярдъ есть наши 3 фута; фунтъ стерлинговъ равенъ почти 6 руб. 30 коп.

шапку и палку, ту знаменитую дубинку, которой онъ бивалъ своего министра Меншикова. Шапка и палка до сихъ поръ свято хранятся въ городской думѣ. Но что больше всего возбуждаетъ интересъ путешественниковъ, это Калмыцкое поселеніе около города. Калмыки живутъ въ палаткахъ, круглыхъ у основанія и мало по малу съуживающихся къ верху, покрытыхъ кусками кожи и войлока. Они одѣваются въ длинные, темнаго цвѣта кафтаны, стянутые грязными красными поясами. Сверху кафтаны растегнуты, и видна темно-коричневая грудь; кожанные сапоги доходятъ до колѣнъ. Желтая шапка, также подбита мѣхомъ; изъ подъ нея съ обѣихъ сторонъ смуглаго калмыцкаго лица выбиваются сплетенные пейсики. Широкіе, приплюснутые носы, выдающіяся скулы и узкіе продолговатые глаза ясно показываютъ къ какому племени принадлежитъ этотъ народъ. Они были остаткомъ той могущественной калмыцкой орды, которая въ царствованіе Екатерины II, побуждаемая какой-то странной цѣлью, свойственной всѣмъ Азіатцамъ, внезапно сняла свои палатки, и съ тѣхъ поръ все подвигалась на востокъ, пока въ исходѣ восьмаго мѣсяца своего путешествія, не дошла до Китайской имперіи и добровольно подчинилась власти Китайскаго Императора. Эти Калмыки и до сихъ поръ Буддисты и признаютъ верховное божество Далай-Лама. У нихъ очень много интересныхъ обычаевъ и самый странный изъ нихъ — это обхожденіе съ покойниками. Когда кто нибудь изъ нихъ умираетъ, они выносятъ покойника недалеко отъ селенія, кладутъ на растерзаніе собакамъ, затѣмъ остаются ждать: если болѣе шести собакъ растерзаютъ покойника, то передъ нимъ благоговѣютъ, въ противномъ-же случаѣ смотрятъ на него, какъ на стыдъ для семейства и даже для цѣлой орды. Этотъ обычай очень часто былъ запрещаемъ Русскимъ правительствомъ и теперь уже почти совсѣмъ оставленъ.

Съ наступленіемъ ночи возвратились мы на нашъ параходъ *Алексѣй* и заняли постели, приготовленныя на диванахъ, занимающихъ двѣ трети каюты. На параходѣ не было отдѣльныхъ спальныхъ каютъ, кромѣ одной—дамской. Пассажировъ перваго класса было очень мало, и была только одна дама, которая прошла въ дамскую каюту и уже больше не показывалась до самаго нашего прибытія въ Астрахань. Кромѣ того были одинъ

или два американскихъ купца и три или четыре офицера; но во второмъ классѣ ѣхало очень много мужиковъ и казаковъ, которыхъ очень удивляли наши круглыя шляпы въ родѣ тюрбановъ и заставляли ихъ дѣлать разныя предположенія, какой касты и класса магометанъ мы были представителями. Не занятое мѣсто на палубѣ пассажирами или кладью было завалено дровами, вышиною отъ 8 до 10 ф. Для топки параходовъ обыкновенно употребляютъ дрова, и остановки для нагруженія ими на пристаняхъ удвоиваютъ время, нужное для путешествія. На разсвѣтѣ мы отчалили отъ пристани и съ удовольствіемъ оставили наши постели, потому что комары не давали спать.

Правый берегъ Волги въ Царицынѣ возвышается на 200 ф. надъ уровнемъ воды; но онъ постепенно опускается и наконецъ доходитъ до 8 ф.; нѣсколько миль ниже города, онъ почти наравнѣ съ рѣкой, и глазамъ путешественниковъ представляется безконечная пустыня безъ всякихъ признаковъ растительности; тотъ-же видъ имѣетъ и лѣвый берегъ.

Ширина рѣки здѣсь четыре мили, а во время разливовъ доходитъ до 15 м. Вскорѣ послѣ того какъ мы выѣхали изъ Царицына, рѣка начала раздѣляться на 70 рукавовъ, покрытыхъ безчисленнымъ множествомъ острововъ, между которыми нѣкоторые очень важны для Россіи въ отношеніи земледѣлія.

Многіе изъ этихъ острововъ, мѣстами и берега, вдоль которыхъ шелъ нашъ параходъ, покрыты тростникомъ, вышиною отъ 8 до 10 ф.; онъ даетъ убѣжище кабанамъ и большому количеству всякой дичи, охота за которою составляетъ любимое занятіе туземцевъ. Мы нѣсколько разъ останавливались, чтобы принимать и спускать пассажировъ, и для новаго запаса дровъ.

Главныя селенія, мимо которыхъ мы проѣзжали, были—Черная Таръ, большая деревня съ 5000 жителей, Енотаевскъ съ 3000 ж., большая часть которыхъ занимается рыбнымъ промысломъ; своимъ основаніемъ онъ обязанъ Калмыкамъ, которымъ въ VXIII в. служилъ какъ бы крѣпостью. Земледѣліе здѣсь весьма незначительно, вслѣдствіе убѣжденія жителей, что жатва совершенно сгораетъ на солнцѣ. На 66 миль ниже Енотаевска, находится резиденція Калмыцкаго князя Тюменя; къ несчастію намъ не удалось ее осмотрѣть. По всей вѣроятности, она представляетъ единственную попытку Калмыковъ къ осѣдлости, ибо

построена и меблирована въ европейскомъ вкусѣ. Хотя этотъ князь и былъ сдѣланъ русскимъ генераломъ но, какъ говорятъ, самъ живетъ въ шатрѣ. Онъ считается очень богатымъ, владѣетъ обширными землями; главный его доходъ получается съ торга лошадьми которыхъ, какъ говорятъ, онъ продаетъ ежегодно отъ 6 до 7 тысячъ, и мы сами видѣли огромный табунъ, который, мѣняя пастбище, переплывалъ рѣку подъ присмотромъ какихъ-то двадцати полудикихъ пастуховъ.

Мы пріѣхали въ Астрахань на слѣдующій день утромъ, и этотъ городъ насъ очень разочаровалъ.

Издали онъ кажется величественнымъ своимъ громаднымъ кремлемъ или крѣпостью, кирпичныя стѣны которой хотя почти что въ развалинамъ, но все таки ежегодно обновляются городомъ; огромный куполъ собора *Вознесенія* величаво возвышался надъ прочими зданіями, а татарскія мечети и минареты сіяли на солнцѣ. Но все величіе, какъ мы уже сказали выше, исчезло когда мы причалили къ пристани. Грязныя полуразвалившіяся хижины изъ которыхъ многія покинуты, бросаются въ глаза на каждомъ шагу. Улицы узкія и грязныя, безъ всякой живописности, часто вознаграждающей грязь восточныхъ городовъ; каменные дома, присутственныя мѣста, фабрики и другія большія строенія въ высшей степени мрачны и не интересны.

Единственная вещь, придававшая жизнь улицамъ, были Татарки, сновавшія взадъ и впередъ въ своихъ красивыхъ костюмахъ; но у нихъ видъ какой-то унылый и непривѣтливый. Взявши номеръ, т. е. комнату, *въ Россіи*, единственной порядочной гостинницѣ города, мы пошли осматривать татарскій кварталъ, носящій на себѣ совершенно восточный характеръ, своими узкими переулками, большими домами, гдѣ только изрѣдка встрѣчалось маленькое окошечко и то тщательно завѣшанное. Достопримѣчательности Астрахани очень скоро истощились. Разоренный много разъ огнемъ, мечомъ и моровой язвой, городъ мало сохранилъ памятниковъ, такъ что послѣ собора и музея, гдѣ между другими рѣдкостями есть собраніе древнихъ монетъ, намъ болѣе рѣшительно ничего не оставалось видѣть. Астрахань есть древній Атель Болгаръ и Хозаръ, сперва разоренный ордами, шедшими изъ Азіи въ Европу и потомъ перестроенный Монголами въ концѣ XIV ст., во время ихъ втораго нашествія

и названный Аджа-Таркани, откуда и произошло настоящее названіе Астрахани. Въ 1557 г. городъ былъ завоеванъ Русскими, а въ 1660 г. снова взятъ Татарами и совершенно истребленъ, кромѣ Кремля, куда спаслись Русскіе жители. Въ 1605 г. онъ былъ театромъ страшныхъ безпорядковъ и кровопролитій, причиненныхъ претендентомъ на московскій престолъ, извѣстнымъ въ исторіи лже-Дмитріемъ. Въ 1608 г. тѣ же безпорядки были возобновлены его женой Мариной. Въ 1665 г. Стенька Разинъ взялъ городъ, и опять та же участь его постигла. Между прочими ужасами, разсказываемыми про этого злодѣя, ему приписываютъ ужасное убійство архіепископа Іосифа, сожженнаго на медленномъ огнѣ.

Одно время Астрахань была важнымъ торговымъ городомъ. Въ началѣ XIV ст. Генуэзцы вывозили огромное количество разныхъ товаровъ изъ Индіи, Персіи и Средней Азіи по Каспійскому морю въ Астрахань, откуда они развозились по всей Европѣ. Вторженіе Тимура положило конецъ его торговому процвѣтанію, которое перешло въ Смирну и Алеппо. Хотя въ послѣдствіи часть торговли и возвратилась, но уже прежнее торговое значеніе Астрахань потеряла навсегда, не смотря на то, что въ послѣдовавшія царствованія, начиная съ Бориса Годунова до Петра Великаго и Екатерины II и очень старались его возвратить.

Въ 1740 г. англичанинъ Джонъ-Эльтонъ составилъ компанію для провоза товаровъ изъ Персіи прямо въ Англію по Волгѣ, черезъ Астрахань. Для этого выстроенъ былъ въ Казани корабль, сдѣлавшій одинъ или два весьма удачныхъ рейса. Убѣжденный Надиръ Шахомъ, Джонъ Эльтонъ принялъ участіе въ компаніи, учрежденной на Каспійскомъ морѣ, для повѣрки торговли и черезъ то попалъ въ немилость правительства. Англичане хотя и отреклись отъ своихъ дѣйствій, но ихъ представленія остались безуспѣшны и попытка не дала ожидаемыхъ результатовъ. Сомнительно, чтобы торговое значеніе Астрахани когда нибудь измѣнилось. Харьковской и Курской желѣзной дорогой хотятъ пересѣчь Волгу въ Самарѣ и продолжить всю линію до Оренбурга, такъ что этотъ путь и линія, проводимая теперь между Поти, при Черномъ морѣ, и Баку, при Каспійскомъ, лишаютъ Астрахань и послѣдней надежды. Городъ красивъ, а гу-

бернія замѣчательна своими фруктовыми садами, главный продуктъ которыхъ составляютъ виноградъ и арбузы. Въ царствованіе императрицы Анны большіе ящики съ фруктами были отправляемы еженедѣльно въ Петербургъ для двора. Разведеніе виноградниковъ въ Астрахани введено однимъ плѣннымъ австрійскимъ монахомъ, впослѣдствіе принявшемъ православную вѣру; онъ посадилъ въ монастырскомъ саду, привезенную изъ Персіи, виноградную лозу. Мы нашли, что вино, выдѣлываемое изъ этихъ виноградниковъ, имѣетъ какой то кислый и грубый вкусъ и достоинствомъ гораздо ниже Крымскихъ винъ кн. Воронцова.

Небольшая торговля съ Персіей ведется сухимъ путемъ до Кизляра, оттуда по морю до Баку, и потомъ снова сухимъ путемъ до Астрабада. Предметы торговли, главнымъ образомъ, состоятъ изъ хлопчатой бумаги, шелку, клея, пшена, фруктовъ и разныхъ мануфактурныхъ произведеній, а изъ Астрахани въ замѣнъ вывозятъ желѣзо, хлопчатую бумагу, суконныя матеріи, глиняную посуду, зеркала, доставляемыя по Волгѣ и получаемыя изъ Нижняго-Новгорода. Но главное торговое складочное мѣсто въ Астрахани занято рыбою, тутъ центръ всей рыбной торговли Каспійскаго моря, одинъ изъ самыхъ обширныхъ въ мірѣ и выручающій огромные капиталы. Ежегодный доходъ отъ торговли рыбою, равняется одному милліарду фунтовъ стерлинговъ. Осетръ, бѣлуга и севрюга суть самыя большія рыбы. Всѣ эти три рода рыбъ достигаютъ большихъ размѣровъ. Разсказываютъ, что въ 1769 г. была поймана бѣлуга около 20 ф. длины и вѣсившая 2,500 ф. Тысяча фунтовъ вѣсу, для этой рыбы, считается обыкновеннымъ вѣсомъ, а осетръ вѣсомъ бываетъ отъ 20 до 70 ф. Исторіи, которыя намъ разсказывали о прожорливости этихъ рыбъ, заставляютъ усомниться въ ихъ истинѣ.

Такъ говорятъ, что стерлядь часто увлекаетъ лошадей, переплывающихъ рѣку: между прочимъ намъ говорили, что нѣсколько разъ находили тѣла людей въ бѣлугѣ, которыя однако послѣ точныхъ распросовъ обращались въ какую нибудь пару дѣтскихъ сапогъ. На другой день нашего пріѣзда, мы отправились на пароходѣ осматривать одну изъ рыболовныхъ деревень. Онѣ называются *учугами*, отъ татарскаго слова *учугъ*, что значитъ *рыбная гать*.

Деревня состоитъ изъ ста или болѣе хижинъ, считая саловарни, запасные дома и сараи, гдѣ приготовляютъ икру и клей.

Во время рыбнаго лова, продолжающагося все лѣто, осень и зиму, туда съѣзжается около 20000 чужеземцевъ, увеличивая обыкновенное число жителей, занимающихся торговлею.

Каждый изъ пришедшихъ нанимается у туземцевъ въ работники или, платя извѣстную сумму, получаетъ право самому производить рыбную ловлю. Существуетъ много разныхъ способовъ лова, хотя и не совсѣмъ удобныхъ, но тѣмъ не менѣе довольно успѣшныхъ; рыбы такъ прожорливы, что кидаются на добычу не смотря ни на какія препятствія, встрѣчающіяся имъ на пути. Учуги или рыбныя гати построены почти одинаково, такъ что описаніе одной совершенно достаточно, чтобы дать понятіе объ остальныхъ. Крѣпкіе столбы вбиты въ русло рѣки на разстояніи одного ярда по прямой линіи, если теченіе не очень сильно; въ противномъ случаѣ линія имѣетъ полукруглую форму. Столбы эти, на высотѣ одного фута надъ водой, соединены между собою крѣпкими перилами, къ которымъ прикрѣпляютъ вѣтками ивы короткія и тонкія палки, не достигающія дна и образующія родъ рѣшетчатаго отверстія. Такимъ образомъ между линіями образуется компата, которую раздѣляютъ на отдѣленія, устроенныя противъ теченія. При входѣ въ эти отдѣленія сдѣлана западня, легко поддающаяся натиску рыбы, которая разъ попавши туда не можетъ болѣе выйти и остается тамъ до прихода рыбака. Другая, болѣе сложная западня, называется городьбой. На дно отдѣленій кладутъ сѣть, крѣпко привязанную въ четырехъ углахъ; ее можно поднимать до самой поверхности воды. Къ отверстію, куда входитъ рыба, придѣланъ кусокъ сѣти; при входѣ рыбы онъ упадаетъ и закрываетъ отверстіе. Дѣлаютъ также петли, въ которыя попадается рыба и, стараясь высвободиться, приводитъ въ движеніе деревянный поплавокъ, къ ней прикрѣпленный и тѣмъ даетъ о себѣ знать.

Зимой рыбаки прорубаютъ ледъ надъ городьбой, а на концѣ проруби строютъ шалаши. Въ избѣжаніе необходимости постоянно быть на часахъ, они иногда привязываютъ къ поплавку колокольчикъ, который, рыба, входя, невольно дергаетъ и звонитъ. Для ловли часто также употребляютъ невода. Довольно интересно было видѣть рыбаковъ, много разъ проѣзжавшихъ въ сво-

ихъ челнокахъ вдоль каната, къ которому прикрѣплены лѣсы; они поднимали по очереди эти лѣсы, чтобы видѣть не нужна ли новая приманка, такъ какъ маленькая рыба, большей частью для этого употребляемая, часто срывается. Вскорѣ уда дрогнула, одинъ изъ рыбаковъ былъ уже на готовѣ съ багромъ и когда рыба показалась на поверхности воды, онъ живо прокололъ ей жабры, куда другой продѣлъ веревку; крючекъ вынули изъ рта, и челнокъ быстро возвратился къ тонѣ съ своей добычей—великолѣпной бѣлугой около 400 ф. вѣсомъ. Прежде всего ей отрубили голову, потомъ вынули и выбросили внутренности, тотчасъ же сдѣлавшіяся добычей чаекъ и другихъ близъ летавшихъ птицъ. Икра бережно размѣщена въ боченки и препровождена для приготовленія; пузыри точно такимъ же образомъ вынуты но тосланы куда слѣдуетъ; спинныя жилы вынуты, вымыты и развѣшаны на перекладинахъ, сохнуть на солнцѣ (вязига); жиръ соскобленъ ножами и положенъ для вываривания; крестьяне его очень любятъ и употребляютъ вмѣсто масла; наконецъ самую рыбу отнесли на погребъ и положили въ разсолъ. Соленая рыба въ погребахъ лежитъ въ большомъ количествѣ, и каждая изъ нихъ пересыпана слоемъ соли; въ такомъ видѣ она ожидаетъ зимы, для отправленія во внутрь Россіи. Для поддержанія холода лѣтомъ въ погребахъ вырываютъ ямы, куда кладутъ ледъ. Икра приготовляется изъ яицъ разныхъ рыбъ, не исключая и семги и щуки, но самая лучшая получается изъ осетровъ, севрюги и бѣлуги. Лучшій сортъ приготовляется слѣдующимъ образомъ: длинные узкіе мѣшки изъ толстаго полотна наполняютъ до половины свѣжими яйцами, и потомъ наливаютъ соленую воду до тѣхъ поръ, пока она не пойдетъ черезъ края. Послѣ чего икру держатъ на воздухѣ въ продолженіи 12 часовъ, и уже потомъ раскладываютъ по боченкамъ и она готова къ продажѣ.

Чтобы судить о количествѣ пойманной въ Астрахани рыбы, достаточно знать, что тамъ приготовляется ежегодно отъ 3 до 4 милліоновъ фунтовъ икры.

Рыбаки жалуются, что рыбы въ рѣкѣ съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше, приписывая это параходамъ, тогда какъ настоящая причина, нужно полагать, происходитъ отъ дурнаго способа лова. Астрахань, однако насъ не настолько очаровала, чтобы задержать на долго, но напротивъ заставила перемѣнить

нашъ первый планъ путешествія по Каспійскому морю до Астрабада, и мы рѣшили, что интереснѣе ѣхать вверхъ по Волгѣ. Для этого взяли билеты на пароходѣ *Владиміръ Глазенапъ*, названный такъ въ честь одного изъ директоровъ компаніи *Самолетъ*, и на другой день въ 4 ч. утра были уже въ дорогѣ. Намъ пришлось проѣзжать мимо группы птицъ—рыбаковъ, за которыми мы наблюдали нѣсколько времени; стая, около семидесяти пеликановъ, усердно занималась ловлею рыбы на меляхъ. Эта птица у русскихъ называется Дика-Баба, плаваетъ она полукругами и гонитъ передъ собой рыбу къ мелямъ, а тамъ уже спокойно ее ловитъ. Они кажется привыкли къ параходамъ, поэтому-то, хотя мы шли и очень близко отъ нихъ, они на насъ не обращали никакого вниманіи.

Около 20 м. ниже Царицына лежитъ *Сарепта*, моравская колонія, построенная въ 1769 г. и получившая большія льготы и права отъ Императрицы Екатерины, какъ и многія другія нѣмецкія колоніи; во время царствованія этой просвѣщенной государыни, Сарепта быстро возрастала и процвѣтала, окруженная со всѣхъ сторонъ калмыками и другими кочевыми племенами. Сарепта имѣетъ 1200 т. жителей и лежитъ какъ бы оазисъ среди пустыни и невѣжества. Всевозможныя искуства и торговля тутъ процвѣтаютъ, и ея бумажныя и шелковыя произведенія, часы и золотыя вещи охотно раскупаются. Еще въ Царицынѣ между другими пассажирами сѣлъ къ намъ одинъ очень не общительный толстый русскій судья, не входившій ни съ кѣмъ въ разговоры, это насъ подстрекнуло съ нимъ сыграть маленькую шутку. Каждую ночь насъ жестоко мучили комары и мы сговорились съ другими пассажирами, что передъ тѣмъ, какъ идти спать, мы пустимъ сперва судью и оставимъ его одного часа на два или на три. Наша выдумка намъ совершенно удалась, и мы самымъ спокойнымъ образомъ провели ночь, конечно въ ущербъ судьѣ. Мы продолжали наше путешествіе до 4-хъ часовъ слѣдующаго утра. Выси праваго берега рѣки, по мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, продолжали все болѣе и болѣе возвышаться, тогда какъ лѣвый берегъ становился все ниже и ниже до тѣхъ поръ, пока не обратился въ топкую, болотистую равнину. «Владиміръ Глазенапъ» считается самымъ лучшимъ параходомъ компаніи Самолетъ; скорость его 13½ м.

въ часъ, противъ, и 16 м. по теченію. Машина въ 100 силъ, какъ и большая часть волжскихъ пароходовъ компаніи Кокериль. Кампанія эта имѣетъ болѣе 40 пароходовъ; нѣкоторые изъ нихъ въ 250; другіе, построенные для навигаціи между Тверью и Нижнимъ Новгородомъ, въ 45 силъ и могутъ выносить тяжесть 200 пассажировъ, погружаясь въ воду на 2 ф. Кампанія Самолетъ существуетъ уже 16 лѣтъ, но она не единственная.

Кромѣ нея главная волжская кампанія называется Волга и Меркурій. Всего на всего, ходящихъ пароходовъ по Волгѣ и ея притокамъ около 700, считая и буксирные.

24 года тому назадъ, Нидерландская компанія изъ Ротердама первая устроила пароходство по Волгѣ.

Желѣзо для судовъ было привезено въ Рыбинскъ по частямъ. Первый появившійся пароходъ не встрѣтилъ никакого сочувствія, и членамъ кампаніи пришлось сначала однимъ разъѣзжать по рѣкѣ. Простой народъ, хотя и толпами стекался на берегъ смотрѣть на новую затѣю, однако видѣлъ въ ней нѣчто дьявольское. Нашъ капитанъ при этомъ случаѣ, разсказалъ намъ довольно занимательную исторію про одного плотника призваннаго починить кое что на пароходѣ, которымъ онъ, въ то время, командовалъ. Только что плотникъ принялся за работу, машинистъ сталъ выпускать пары; услышавъ страшный шумъ, рабочій бросилъ инструменты, и не зная причины отъ чего происходитъ шумъ сталъ смотрѣть во всѣ глаза; однако, вооружившись мужествомъ, принялся опять за свою работу, какъ вдругъ съ пронзительнымъ визгомъ пары хлынули изъ трубы. Плотникъ бросилъ снова инструменты, съ испугомъ посмотрѣлъ на верхъ, быстро нѣсколько разъ перекрестился, бросился за бортъ и поплылъ къ берегу, гдѣ, крестясь и отплевываясь, безъ оглядки пустился бѣжать. Съ тѣхъ поръ о немъ ничего не слыхали; онъ даже не вернулся за своими инструментами. Спустя нѣсколько времени, пароходы, какъ только останавливались гдѣ нибудь, тотчасъ же биткомъ наполнялись любопытными посѣтителями, не понимавшими причины и силы паровъ.

Выраженіе: «столько то лошадиныхъ силъ», особенно ихъ затрудняло. Привыкши къ баркамъ, которыя тянули лошади, они разсуждали, что конечно сила 100 лошадей велика, но гдѣ же

и какъ помѣстить на такомъ маленькомъ пароходѣ столько лошадей. Объясняли и иначе причину движенія парохода, а именно, что онъ приводится въ дѣйствіе большимъ колесомъ съ берега. Не мало нужно было труда и времени, чтобы подавить предразсудки и измѣнить невѣжественные взгляды и понятія толпы; теперь, конечно, ничего этого нѣтъ, и пароходы биткомъ набиты пассажирами.

Въ первомъ классѣ съ нами ѣхало всего на всего 7 человѣкъ, немного больше въ каютѣ 2-го класса, но на палубѣ стеклось столько народу, что негдѣ было повернуться. Мужиковъ пускали почти безплатно съ уговоромъ, что, если пароходъ сядетъ на мель, то они немедленно должны бросаться въ воду и помогать его сдвинуть.

Къ обѣду намъ подали стерлядь, приготовленную съ оливками. У русскихъ рыба эта считается такимъ тонкимъ блюдомъ, что ее даже развозятъ по Россіи въ волжской водѣ. Самый лучшій сортъ этой рыбы ловится въ Камѣ, одномъ изъ главныхъ притоковъ Волги, съ лѣвой стороны, впадающей въ нее нѣсколькими милями ниже Казани. Мы нашли въ стерляди вкусъ воды и земли, и рѣшили, что знаменитая стерлядь не заслуживаетъ своей славы.

35 миль выше Царицына намъ пришлось проѣзжать посадъ Дубовки, нѣкогда столицу приволжскихъ казаковъ. Въ настоящее время это цвѣтущій городъ съ 15,000 жителями, съ нѣсколькими кожевенными, салотопнями и горчичными фабриками, построенный живописно на возвышенности, имѣющій три красивыя церкви, съ зелеными куполами. Маленькая пристань очень оживлена, вслѣдствіе довольно значительной торговли съ Качалинскою пристанью на Дону. Барки въ пристани нагружены были желѣзомъ и другими, большей частью привозимыми изъ Сибири матеріалами, которые здѣсь разбираютъ на части и сухимъ путемъ отправляютъ черезъ степи на Донъ; а оттуда уже везутъ далѣе по рѣкѣ въ Ростовъ.

Но все таки теперь нельзя судить о прежней дѣятельной здѣсь торговлѣ, такъ какъ открытіе желѣзной дороги между Дономъ и Царицынымъ сильно ее подорвало. Соединеніе Дона и Волги было всегда любимою мечтою Петра Великаго, который и началъ съ этою цѣлью рыть каналъ; но вскорѣ при-

нужденъ былъ его оставить. Позже, много разъ, снова принимались за него, но все также неуспѣшно и Волга и Донъ, остались такимъ образомъ единственными большими рѣками Россіи, не имѣющими между собой воднаго сообщенія. Для пассажировъ намъ приходилось довольно часто останавливаться въ маленькихъ деревняхъ; далѣе мы проѣхали мимо крутаго, выдающагося утеса, гдѣ находилось когда то укрѣпленіе Стеньки Разина, откуда онъ дѣлалъ свои набѣги. Довольно долго стояли мы въ Камышинѣ, гдѣ возобновили запасъ дровъ. Этотъ городъ основанъ въ 1688 г. и укрѣпленъ полковникомъ Байлемъ, шотландскимъ уроженцемъ, находившимся въ русской службѣ и принимавшемъ дѣятельное участіе въ войнахъ того смутнаго времени. Главный предметъ торговли Камышина—рожъ и соль, отправляемыя отсюда сухимъ путемъ на Донъ.

Когда Султанъ Селимъ въ 1550 г. предпринялъ походъ на Астрахань, то началъ прорывать каналъ отъ этого города къ Дону, слѣды котораго и теперь еще видны.

Одинъ англичанинъ Перри въ XVIII ст. также пытался прорыть каналъ между Иловлей, притокомъ Дона, отстоящей отъ Волги на 14 миль. Камышинъ былъ очень полезенъ, содѣйствуя къ прекращенію разбоя на Волгѣ. Шайки, составленныя изъ бродягъ, бѣглыхъ солдатъ, Калмыковъ, Черемисъ и другихъ, дѣлали судоходство по Волгѣ очень опаснымъ. Такое положеніе продолжалось до царствованія Екатерины II. Грабежъ и убійства были здѣсь ежедневными событіями. Правда, что когда разбойники попадались въ руки правительства, то ихъ ожидало страшное наказаніе. Обыкновенно строили плотъ, величиной соразмѣрно съ числомъ приговоренныхъ, посреди котораго воздвигалась огромная висѣлица. Преступниковъ раздѣвали, связывали руки на спинѣ, надѣвали желѣзные пояса и толстыми крюками привѣшивали къ столбу. Надъ головой каждаго прикрѣпляли доску, на которой излагали ихъ преступленія, и плотъ пускали по теченію. Жители прибрежныхъ городовъ и деревень, подъ страхомъ смерти, не только не могли оказывать имъ какое либо облегченіе, но обязаны были отталкивать плотъ отъ берега, если его къ нему прибивало. Случалось, что пиратамъ удавалось освобождать преступниковъ, но если они въ свою очередь сами попадались, то ихъ безъ вся-

каго суда предавали смертной казни. Расказываютъ, что одному преступнику удалось освободиться со столба и броситься въ воду. Доплывъ до берега, онъ убилъ камнемъ одного пастуха и надѣвъ его одежду, благополучно скрылся.

Къ вечеру мы причалили къ небольшому селенію *Золотое*, съ маленькими деревянными домами. Дрова здѣсь приносили на пароходъ очень красивыя крестьянки. Онѣ устроивали изъ двухъ палокъ родъ носилокъ и накладывали на нихъ столько дровъ, сколько могли снести вдвоемъ. За каждую перенесенную сажень, онѣ получали около шиллинга, т. е. 30 к. Дрова эти состояли изъ сосновыхъ, дубовыхъ и березовыхъ полѣнъ, расколотыхъ пополамъ. Большей частью дрова сплавляются изъ Сибири, на плотахъ въ 300 ф. длины; но на нѣкоторыхъ станціяхъ ихъ рубятъ въ сосѣднихъ лѣсахъ. Мы воспользовались этой стоянкой для купанья и нашли, что вода мягка и очень освѣжаетъ. Она сильно пропитана угольной кислотой и если налить ее въ плотно закупоренную бутылку и взболтать, то пѣнится какъ содовая вода. Вкусъ ея пріятенъ, но въ Астрахани же волжская вода отзывается рыбьимъ жиромъ отъ множества рыбы въ рѣкѣ. Пассажиры третьяго класса, начали бросаться черезъ бортъ въ воду и выходя на берегъ, ложились спать на землю между кучами дровъ, чтобы дать отдохнуть усталымъ членамъ, чего тѣснота на пароходѣ не позволяла. Молодые же люди разговаривали съ хорошенькими дѣвушками. Въ довершеніе мужики деревни задали намъ концертъ, который продержалъ насъ на палубѣ до 1 часу ночи. Русскіе мужики, кажется, рождены музыкантами и имѣютъ инстинктивно очень вѣрное понятіе о гармоніи. Большая часть ихъ пѣсень заунывная и всегда оканчивается высокой нотой. Одинъ изъ нихъ, т. е. запѣвало, поетъ въ родѣ речитатива и потомъ, остальные голоса хоромъ за нимъ подхватываютъ. Нѣкоторыя пѣсни, слышанныя нами, начинаются заунывно и потомъ, вдругъ, очень эфектно переходятъ въ самый веселый тонъ. Русскіе крестьяне вообще очень чистосердечны и имѣютъ довольный видъ. Нрава очень хорошаго, почти никогда не ссорятся, даже когда пьяны. Одежда ихъ также проста, какъ и натура, состоитъ она изъ холщевой рубашки и большей частью синихъ или черныхъ ша-

роваръ. Лѣтомъ большей частью ходятъ босикомъ, иногда носятъ лапти, родъ башмаковъ, изъ липовой коры, т. е. лыка, нарѣзаннаго полосками и потомъ сплетеннаго; пара стоитъ 2 коп. Зимой, за неимѣніемъ сапогъ, они обвертываютъ свои ноги въ куски сукна (онучи), что придаетъ имъ очень смѣшной видъ. Преданность и повиновеніе въ характерѣ русскаго мужика; часто иногда они у нихъ доходятъ до униженія, такъ напр. пойманные въ какой нибудь неисправности они для полученія прощенія ползаютъ въ погахъ своего господина, впрочемъ эмансипація крестьянъ, измѣнила порядокъ вещей и улучшила ихъ положеніе.

Они никогда не войдутъ въ комнату не перекрестившись на икону, которая обыкновенно виситъ въ углу каждой комнаты русскаго дома. Даже на улицѣ, проходя мимо церкви или образа, они съ благоговѣніемъ снимаютъ шапку.

Всѣ, мужчины, женщины и дѣти носятъ ладонку (большей частью крестъ или образокъ) для предохраненія себя отъ злаго духа. Повѣріе *въ дурной* глазъ (жетатура Итальянцевъ) очень въ ходу у Русскихъ. Мужики строятъ свои избы изъ бревенъ и законопачиваютъ ихъ мхомъ. Передній фасадъ иногда украшаютъ рѣзьбой, окна очень маленькія, но всегда двойныя, между которыми, чтобы не было холодно зимой, также кладутъ мохъ. Они не любятъ каменныхъ строеній, потому что, по ихъ мнѣнію, онѣ никогда не просыхаютъ, а деревянная изба гораздо теплѣе. Около избъ, на длинныхъ шестахъ прикрѣпляютъ родъ ящиковъ для воробьевъ, которыхъ Русскіе очень любятъ, хотя съ этимъ не связано ни какого повѣрія, какъ напр. съ голубями, которыхъ чтятъ и не убиваютъ, въ память того, что Св. Духъ принялъ видъ голубя. Нельзя сказать, чтобы убранство ихъ домовъ отличалось разнообразіемъ и комфортомъ. Самая главная вещь въ избѣ, это огромная, сдѣланная изъ кирпичей печь, гдѣ огонь не переводится въ продолженіе всей зимы; верхъ ея такъ устроенъ, что служитъ постелью для цѣлаго семейства. Подобныя же печи устраиваются въ баняхъ; здѣсь ихъ обыкновенно топятъ до бѣла и потомъ льютъ на нее холодную воду, отъ чего вся комната наполняется паромъ. Остальное убранство избы состоитъ изъ широкихъ лавокъ во кругъ всей избы, служащихъ ночью кроватями, стола и еще нѣсколькихъ вещей довольно грубой работы. По

стѣнамъ развѣшаны сало, рыба, огурцы и все это въ перемѣжку съ платьями членовъ семьи.

На разсвѣтѣ мы отчалили отъ *Золотаго*. Виды праваго берега становились постепенно все красивѣе и живописнѣе. На большомъ пространствѣ по берегу рѣки тянулась цѣпь песчаныхъ горъ въ 30 ф. высоты, походившихъ болѣе, своими гладкими и отвѣсными стѣнами, на произведенія рукъ каменщиковъ, нежели природы. Далѣе нашимъ глазамъ представился рядъ конусообразныхъ, съ круглыми верхушками, холмовъ, высотою въ 200 или 300 ф. Около 10 часовъ мы прибыли въ Саратовъ, одинъ изъ значительныхъ городовъ нижняго теченія Волги. Построенный на высокомъ мѣстѣ, онъ простирается на пять миль вдоль рѣки. Съ своими церквями, башнями, зеленѣющими вдали Соколиными горами, Саратовъ имѣетъ видъ въ высшей степени живописный.

Пристань вся загроможденная барками, купеческими судами, пароходами и набережная, заваленная товарами, представляютъ весьма оживленный видъ; но наше первое пріятное впечатлѣніе вскорѣ исчезло, когда мы вышли на берегъ. Улицы, хотя и широки, но съ полуразвалившимися заборами имѣли видъ раззоренный. Дома, за малымъ исключеніемъ, почти всѣ низки и бѣдны. Правда, что кое гдѣ видна попытка устроить каменную или деревянную мостовую, но первобытный грунтъ отъ этого потерпѣлъ. Въ городѣ есть лютеранская и католическая церкви, равно какъ и мечеть; но всѣ онѣ въ сравненіи съ православными церквами, очень бѣдны. Хотя отсюда и вывозится большое количество ржи, сала, желѣза и нѣкоторыхъ мануфактурныхъ товаровъ, но главный предметъ торговли есть соль изъ Эльтонскаго озера. Саратовъ имѣетъ 70,000 жителей. Рабочій классъ получаетъ здѣсь большіе заработки, но какъ и большая часть русскихъ рабочихъ, въ высшей степени лѣнивъ и почти все тратитъ на свою любезную водку. Названіе города происходитъ отъ двухъ татарскихъ словъ: сара-желтый и то-холмъ и названъ онъ такъ, вѣроятно, вслѣдствіе окружающихъ его желтоватыхъ глинистыхъ холмовъ. Въ прежнія времена онъ очень часто страдалъ отъ нападеній сосѣднихъ дикихъ племенъ. Въ 1767 г. былъ завоеванъ Стенькой Разинымъ, позже въ 1774, взятъ Пугачевымъ, велѣвшимъ умертвить всѣхъ дворянъ, на которыхъ онъ только

могъ наложить руку. Память о немъ до сихъ поръ жива въ разсказахъ жителей. Русскіе очень любятъ ходить и лѣтомъ, и зимой въ баню; но отъ этого не дѣлаются чистоплотнѣе, такъ какъ, выходя оттуда, снова надѣваютъ то же грязное платье, которое и носятъ день за днемъ, недѣлю за недѣлей. Насладившись вполнѣ горячей баней, они выходя изъ нея, лѣтомъ кидаются въ холодную воду, если она есть по близости, а зимой въ снѣгъ. На рѣкѣ мы видѣли пловучія купальни; за входъ платятъ 6 коп. Послѣ четырехъ или пяти-часовой стоянки нашъ пароходъ продолжалъ свой путь. Много проѣзжали мы деревень между которыми были и нѣмецкія колоніи, отличавшіяся отъ русскихъ своей чистотой, порядкомъ и благосостояніемъ.

На ночь остановились мы въ Волжскѣ; это небольшой городокъ, бывшій сначала маленькой рыболовной деревней и обязанный своимъ возвышеніемъ въ промышленномъ отношеніи одному изъ своихъ жителей. Въ настоящее время имѣетъ 24,000 жителей и ведетъ дѣятельную торговлю пшеницею, саломъ и рыбою.

Удобно расположенный на крутомъ берегу, окруженный высокими защищающими его холмами, онъ имѣетъ много фруктовыхъ садовъ и Волжскіе фрукты вообще извѣстны и пользуются извѣстносію. Мы замѣтили здѣсь особенную породу овецъ съ весьма незавидною шерстью, но за то такихъ жирныхъ, что вѣроятно ихъ предназначаютъ для сала,—жалкое назначеніе жизни! — На другой день, мы проѣхали цѣлый рядъ утесовъ изъ мягкаго песчанаго камня, тянувшихся вдоль праваго берега рѣки; подошва ихъ была очень странно промыта водой и походила на пещеры.

Для новаго запаса дровъ, намъ пришлось остановиться въ Хвалынскѣ, расположенномъ въ верховьяхъ маленькой бухты противъ большаго острова, называемаго *Сосновъ*. Городъ окруженъ высокими мѣловыми горами, большею частью обросшими деревьями, имѣетъ 12,000 ж., главные предметы торговли: рожъ и сало.

Мы пріѣхали въ какой-то праздникъ и народъ былъ одѣтъ въ праздничныя платья, съ преобладающими цвѣтами краснымъ и синимъ. Послѣ Хвалынска, мы вскорѣ достигли того мѣста Волги, гдѣ она дѣлаетъ крутой поворотъ на востокъ и сдѣлавъ обходъ въ 112 миль, образуетъ родъ полуострова, перешеекъ

котораго шириной въ 10 м. Это мѣсто называется *Самарская Лука*. Здѣсь мы проѣхали мимо длинной линіи барокъ, нагруженныхъ большею частію пшеницею. Нѣкоторыя изъ нихъ вмѣщали въ себѣ около 300 тоннъ, а экипажъ состоялъ изъ 80 человѣкъ. Барки эти очень медленно подвигаются противъ теченія, посредствомъ привязанныхъ на длинныхъ канатахъ якорей, которые завозятъ впередъ на маленькихъ лодкахъ и бросаютъ въ рѣку. На нѣкоторыхъ баркахъ для завертки каната употребляютъ людей, а на другихъ это дѣлается посредствомъ паровъ. Но изъ всѣхъ выдумокъ, самая интересная—*лошадиная машина*, изобрѣтенная въ 1815 г. механикомъ Падебортомъ. На палубѣ устраиваютъ огромную платформу, на которой помѣщается отъ 80 до 200 лошадей, для завертыванія каната. Якорь, какъ обыкновенно, завозятъ впередъ. Эта лошадиная машина очень неудобна и не можетъ дѣлать болѣе 15 или 10 миль въ день; но она можетъ буксировать нѣсколько барокъ, съ грузомъ нерѣдко въ 5,000 тоннъ, (тонна равна почти 61 пуду).

Изъ всѣхъ барокъ самыя красивыя это разукрашенныя рѣзьбой разшивы. Онѣ имѣютъ одну мачту съ большимъ четыреугольнымъ парусомъ и при попутномъ вѣтрѣ быстро подвигаются впередъ. Онѣ ходятъ изъ Рыбинска въ Астрахань и грузъ ихъ доходитъ до 300 тоннъ.

Къ ночи мы прибыли въ Самару; городъ показался намъ довольно оживленный съ 28,000 жит., построенъ на лѣвомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣки Самары. Берега рѣки здѣсь довольно высоки, но сейчасъ же за городомъ быстро понижаются и обращаются въ безконечныя степи. Почва очень плодородна и рожъ нѣкоторыхъ уѣздовъ очень высоко цѣнится сравнительно съ другими хлѣбными полосами Россіи. Ежегодно отсюда вывозится на баркахъ въ Астрахань и Петербургъ около 400 милліоновъ фунт. пшеницы, равно какъ и сухимъ путемъ въ Оренбургъ; изъ Оренбурга на верблюдахъ пшеница развозится въ сосѣдніе уѣзды. Множество барокъ съ хлѣбомъ на пристани, длина которыхъ равнялась отъ 300 до 400 ф., были очень красиво построены, съ маленькими красными домиками на палубѣ, въ родѣ тѣхъ, какіе устраиваютъ въ Англіи для товаровъ на деревенскихъ ярмаркахъ. Переднюю часть барокъ украшаютъ какой нибудь рѣзьбой, надписью или фигурою, чаще всего рису-

ютъ два глаза. Многія изъ нихъ съ огромными мачтами, составленными изъ нѣсколькихъ прочныхъ, крѣпко связанныхъ балокъ; на верхушкѣ прикрѣпляютъ флаги, вымпела и очень странные маленькіе флюгера. Въ Самарѣ весьма много разныхъ фабрикъ и плавильныхъ заводовъ, кромѣ того здѣсь бываетъ ежегодно три ярмарки, продолжающіяся отъ десяти до пятнадцати дней. Самара имѣетъ нѣсколько весьма красивыхъ церквей, изъ которыхъ главная, конечно, Успенскій соборъ, другая, такая-же великолѣпная, Казанской Божьей Матери и третья, построенная на главномъ мѣстѣ города и названная именемъ Св. Алексія въ честь митрополита Алексія, удостоившаго однажды городъ своимъ посѣщеніемъ. Насъ очень насмѣшило одно длинное одноэтажное зданіе, на переднемъ фасадѣ котораго большими бѣлыми буквами было написано *Воксалъ*. Это нѣчто въ родѣ ресторана, единственное музыкальное или увеселительное заведеніе, посѣтителямъ котораго на этотъ разъ досталось слушать пѣніе двухъ женщинъ съ акомпаниментомъ страшно хриплой гитары. На улицахъ и даже въ Алексѣевскомъ скверѣ у церкви,— лежалъ, по крайней мѣрѣ на 6 дюймовъ толщины, слой пыли; можно вообразить, что здѣсь творится въ вѣтренную погоду, между тѣмъ какъ весной и осенью грязь должна дѣлать всякое сообщеніе затруднительнымъ. Такъ какъ Самара есть самое близкое и главное мѣсто Волги отъ границъ Азіи, а именно считается 200 миль, то понятно, что съ каждымъ годомъ она увеличивается и улучшается. Самара служитъ также пристанью для Оренбурга, съ которымъ вскорѣ будетъ соединена желѣзной дорогой и въ настоящее время ведетъ дѣятельную торговлю съ кочевыми племенами по ту сторону обширныхъ степей, съ Башкирами, Калмыками и Киргизами. На другой день послѣ нашего отъѣзда изъ Самары мы проѣхали самое живописное мѣсто на всемъ теченіи Волги, тамъ гдѣ она прокладываетъ себѣ путь между Жегулевскими горами. Лѣвый берегъ, до сихъ поръ очень плоскій и въ высшей степени не живописный, вдругъ дѣлается гористымъ, возвышается на 700 или 800 ф. и въ такомъ положеніи простирается на 50 миль. Утесы его до самой вершины покрываютъ великолѣпные лѣса, изрѣдка пересѣкаемые обрывами и оврагами. Правый берегъ также высокъ, но не такъ крутъ надъ рѣкой, иногда отступаетъ, давая мѣсто зеленымъ

уголкамъ, гдѣ живописно расположены маленькія деревни. Вся Самарская лука принадлежитъ Орловымъ и пожалована имъ Екатериной II.

Въ былыя времена лѣса эти служили притономъ разбойничьихъ шаекъ, а въ настоящее время даютъ убѣжище волкамъ и медвѣдямъ. Шкура послѣднихъ очень высоко цѣнится и потому постоянно устраиваются на нихъ охоты. Увидя медвѣдя, охотникъ вызываетъ его на поединокъ. Медвѣдь, не раздѣляя его желанія, спѣшитъ убѣжать. Тогда за нимъ начинается погоня; охотникъ посылаетъ ему въ слѣдъ все возможныя бранныя слова и наконецъ, выведенный изъ терпѣнія недѣйствительностію своихъ словъ, наноситъ ему самую жестокую обиду, какую Русскій можетъ сдѣлать другому—начинаетъ бранить его мать. Если и это не помогаетъ, охотникъ, вооруженный ножемъ и топоромъ, бросается на медвѣдя и тогда завязывается между ними страшная борьба на жизнь и смерть. Медвѣди наносятъ большіе убытки пчеловодамъ; послѣдніе, чтобы уберечь свой медъ, выбираютъ большое толстое дерево и выдалбливаютъ высоко отъ земли дупло для улья. Снизу дерева обрубливаютъ всѣ вѣтви и вбиваютъ на мѣсто ихъ желѣзные крюки съ загнутыми вверхъ концами, а кругомъ вколачиваютъ крѣпкіе колья съ заостренными верхушками. Все это дѣлается такъ, что колья и крюки, не препятствуя медвѣдю взбираться на верхъ, причиняютъ ему при слѣзаніи страшную боль, вслѣдствіе чего онъ падаетъ и получаетъ смертельныя раны. Есть и другой способъ: при входѣ въ улей вѣшаютъ тяжелый чурбанъ; медвѣдь, толкая его, получаетъ ударъ по головѣ; чѣмъ сильнѣе толчекъ, тѣмъ тяжелѣе чурбанъ упадаетъ на голову медвѣдя и это продолжается до тѣхъ поръ, пока хищникъ не упадетъ въ изнеможеніи на землю. Устраиваютъ также четыреугольную доску, привязывая ее веревками къ вѣтвямъ дерева — улья, къ которому также слегка прикрѣпляютъ ее. Медвѣдь, находя это сидѣнье весьма удобнымъ и благодарный за доставленное ему удобство, усаживается и начинаетъ слегка дергать веревку, мѣшающую ему достать медъ. Отвязавъ незамѣтно такимъ образомъ скамейку, на которой сидитъ, медвѣдь становится вмѣстѣ съ нею перпендикулярно къ суку, къ которому привязана доска. И въ такомъ положеніи долженъ или оставаться до прихода охотника или упасть на землю.

Однимъ словомъ есть много разныхъ способовъ охоты за медвѣдями; но слѣдующій разсказъ вѣроятно заимствованъ у американскихъ охотниковъ. Зимой замѣчаютъ дерево, у котораго медвѣдь имѣетъ обыкновеніе лежать и стерегутъ его съ ушатомъ холодной воды; какъ скоро медвѣдь засыпаетъ, то выливаютъ сзади на него воду и она замерзая, приковываетъ его къ землѣ. Тогда охотникъ ножемъ прорѣзываетъ ему горло, медвѣдь неистово бросается впередъ, выскакиваетъ изъ своей шкуры и оставляетъ ее, какъ законную добычу, своему изобрѣтательному противнику. Одинъ русскій разсказалъ этотъ способъ мужику и послѣдній, не видя тутъ ничего невѣроятно, серьезно высказалъ намѣреніе непремѣнно испробовать эту штуку въ теченіе слѣдующей зимы. У русскихъ есть очень странное повѣріе, что человѣку, убившему 39 медвѣдей, встрѣча съ 40-мъ будетъ роковою. Лишнее прибавлять, что предразсудокъ этотъ бываетъ нерѣдко причиной исполненія предсказанія, заставляя отъ страха, дрожать руку охотника. Во время нашего полуденнаго плаванія, наше вниманіе привлекла очень странная, одинокая, круглая скала въ 300 ф. высоты, называемая Царевымъ бугромъ. Нашъ капитанъ разсказалъ, что между народомъ существуетъ преданіе, будто скала эта сдѣлана войскомъ Іоанна Грознаго, изъ котораго каждый долженъ былъ принести для этого полный шлемъ земли. Къ несчастію крѣпкій камень не оправдываетъ повѣрья.

Для нѣкоторыхъ пассажировъ мы останавливались въ Ставрополѣ (городъ креста), но по случаю мелководья мы не могли подойти къ нему ближе одной мили. Исторія этого города очень интересна. Онъ былъ основанъ въ 1737 г. Императрицей Анной для одной Калмыцкой орды, принявшей православную вѣру, во времена ихъ Царицы Анны Ташины. Въ 1780 г. Калмыки переселились въ Оренбургъ, а Ставрополь, пользовавшійся въ тѣ времена отдѣльнымъ управленіемъ Калмыцкаго Совѣта, былъ включенъ въ число русскихъ городовъ Симбирской губерніи. Въ настоящее время онъ имѣетъ 5,000 ж., но по небольшой глубинѣ пристани, торговля его незначительна. Достигнувъ конца верхняго изгиба рѣки и проѣхавъ цѣпь мѣловыхъ горъ, извѣстныхъ у туземцевъ подъ именемъ Сенгилейскихъ ушей, получившихъ свое названіе отъ маленькаго города, который расположенъ у ихъ подошвы, мы къ вечеру прибыли въ Симбирскъ, главную

станцію компаніи Самолетъ; тутъ пошли мы познакомиться съ главнымъ директоромъ Владиміромъ Глазенапомъ, въ честь котораго и былъ названъ нашъ пароходъ. На пристани было много барокъ, нагруженныхъ каменнымъ углемъ.

Введеніемъ послѣдняго г. Глазенапъ пріобрѣлъ себѣ большія выгоды. Онъ показалъ намъ образчикъ и мы нашли, что уголь очень похожъ на Ньюкастельскій. Его привозятъ, какъ онъ намъ сообщилъ, изъ Сибири. Въ продолженіи пути приходится перегружать его до десяти разъ. Вслѣдствіе такого путешествія онъ очень дорогъ, такъ что теперь его употребляютъ только для одного или двухъ пароходовъ. Городъ отъ пристани отстоитъ на одну милю, и построенъ на высокомъ хребтѣ, возвышающемся на 400 ф. надъ уровнемъ рѣки. По другую сторону этого хребта, на сѣверо-востокѣ, впадаетъ рѣка Свіяга и имѣетъ здѣсь направленіе совершенно противоположное теченію Волги. Первоначально Симбирскъ былъ основанъ въ 1648 г. бояриномъ Хитрово, который обнесъ его деревянными стѣнами. Симбирскъ два раза осаждалъ Стенька Разинъ, но оба раза былъ отраженъ съ большими для него потерями. Его послѣдователь Пугачевъ, по дорогѣ въ Москву, куда его везли на казнь въ желѣзной клѣткѣ, по распоряженію Суворова, пробылъ здѣсь нѣсколько дней и былъ выставленъ народу на показъ. Этотъ городъ часто страдалъ отъ пожаровъ и въ 1865 г. былъ совершенно ими истребленъ. Число жителей Симбирска простирается до 23,000, а главные предметы торговли, рожъ и поташъ. Дорога отъ пристани въ городъ идетъ въ гору весьма круто. Въ самомъ городѣ мы не нашли ничего интереснаго, кромѣ великолѣпной бронзовой статуи Карамзину, воздвигнутой въ память его, сыновьями. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ отѣзда изъ Симбирска, на лѣвомъ берегу, мы проѣхали мимо развалинъ Булгаріи, нѣкогда столицы Булгарскаго княжества; вокругъ нихъ видны еще слѣды окопа и вала; однако между развалинами возвышается единственный уцѣлѣвшій минаретъ. Долгое время это мѣсто было совершенно забыто и густо заросло деревьями, но Петръ Великій приказалъ его очистить и бережно охранять и поддерживать развалины. Не смотря на это приказаніе, много камней съ Персидскими, Арабскими и Армянскими надписями, были отъ времени до времени расхищаемы и шли на постройку разныхъ ве-

щей. Нѣкоторыя могилы до сихъ поръ еще пользуются большимъ уваженіемъ Казанскихъ Татаръ, которые ходятъ сюда на поклоненіе. До сихъ поръ еще отъ времени до времени здѣсь находятъ Персидскія, Турецкія и Армянскія монеты, равно какъ браслеты, кольца и другія украшенія. Здѣсь мы видѣли пароходъ *Ахтуба*, названный такъ по имени одного притока Волги и привезенный въ 1858 г. въ Казань изъ Ньюкастеля. Для того, чтобы онъ могъ пройти шлюзы Ладожскаго озера и Волги, нужно было снять колеса. Разные пароходы, построенные Самудой и оснащенные, нѣкоторые Джонъ Пенномъ, другіе Равешлемъ, Салкельдомъ и К°, были точно также привезены водой; но такъ какъ они были очень велики и не могли проѣхать, то ихъ разобрали на три части и такимъ образомъ привезли въ Казань. Изъ Англіи ихъ привезли на Бѣлое море, оттуда по р. Онегѣ и разнымъ каналамъ, по Онежскому и Ладожскому озеру, р. Вытегрѣ, Ковжѣ и Шексиѣ на Волгу, въ г. Рыбинскъ. Затрудненій въ продолженіи этого пути было множество, но они были устранены находчивостію и искуствомъ инженера Моберлея, которому было поручено ихъ провезти. Они были 6 недѣль въ дорогѣ, отъ Ладожскаго озера. Система водныхъ сообщеній Россіи, самая удивительная и въ цѣлой Европѣ нѣтъ ей подобной. Есть три водныхъ пути, соединяющихъ Балтійское море съ Бѣлымъ, три между Балтійскимъ и Каспійскимъ и два, соединяющихъ Бѣлое море съ Каспійскимъ. Послѣ цѣлаго дня плаванія, мы пріѣхали на мѣсто сліянія Камы съ Волгой, въ 53 м. ниже Казани. На значительное разстояніе послѣ впаденія ея можно различить ея воды отъ Волжскихъ, онѣ также какъ и Рона съ Сеной послѣ ихъ сліянія въ Ліонѣ, очень легко различаются по цвѣту воды. Воды Камы имѣютъ свѣтло-коричневый оттѣнокъ, между тѣмъ какъ Волга молочно бѣлаго цвѣта, и такимъ образомъ ихъ воды довольно далеко текутъ не смѣшиваясь, воды Камы по лѣвой сторонѣ, а Волги по правой. Кама очень важна для торговли; теченіе ея простирается на 1,100 м. Около 2,000 барокъ, не считая огромнаго количества плотовъ, ведутъ торговлю на этомъ великолѣпномъ притокѣ. Главный городъ на немъ—Пермь; въ 900 м. отъ его впаденія судоходство оканчивается и отсюда идетъ сухопутная дорога въ Пекинъ. Изъ Перми вывозится желѣзо и другіе металлы, и

вообще произведенія Сибири. Геологическая формація, извѣстная въ Англіи подъ именемъ извѣстняка, находится въ большомъ количествѣ въ Пермской губерніи, г. Родригъ Мурчиссонъ далъ ей названіе *Пермской*, подъ которымъ она теперь всюду и извѣстна. Здѣсь находятъ много гипса и мѣдной руды; отсюда вывозятъ въ большомъ количествѣ малахитъ, змѣевикъ и *лаписъ лазури*. Металлопосные пласты измѣняютъ свою толщину отъ 5, 6 дюймовъ до 5, 6 ф. и находятся вдоль всего теченія Камы. Къ крайней досадѣ нашей мы не имѣли достаточно времени, чтобы сѣсть на другой пароходъ и ѣхать въ Пермь, гдѣ берега въ высшей степени живописны. Но путешественникъ, по новой для него сторонѣ, долженъ покоряться такого рода случайностямъ; однако все къ лучшему: по пріѣздѣ въ Пермь, искушеніе взять подорожную и ѣхать далѣе въ Пекинъ, было бы слишкомъ сильно, и чтобы тогда сталось съ нашей поѣздкой въ Казань и на извѣстную Нижегородскую ярмарку, бывшею главной цѣлью нашего путешествія?

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

ИСТОРІЯ

ОДНОГО КРЕСТЬЯНСКАГО МАЛЬЧИКА—МЕХАНИКА.

ГЛАВА I.

Первый лучь свѣта.

День этотъ, былъ хлопотливымъ днемъ для Ивана Егорова и его семьи. Маленькій Гриша — младшій изъ его двухъ сыновей, поднялся съ позаранку, потому, что онъ слышалъ, къ крайнему своему изумленію, какъ отецъ его сказалъ наканунѣ, что онъ намѣренъ, въ это утро, поднять кровлю своей избы и мальчикъ продумалъ до полуночи о томъ, какъ могъ отецъ его совершить подобный подвигъ. Отецъ—думалъ мальчикъ, лежа на кровати и устремивъ глаза на звѣзды, блестѣвшія сквозь окно въ его постельку—отецъ уже не молодой человѣкъ; съ тѣхъ поръ какъ я его помню, онъ всегда былъ сѣдой и къ тому же онъ далеко не такъ силенъ, какъ Василій Петровъ кузнецъ; но и тотъ даже, нѣтъ, десятеро такихъ какъ онъ—не могли бы поднять солому настланную на крышѣ нашей избы, «нѣтъ, ни наволосъ»—Гриша былъ увѣренъ въ этомъ. Часто — такъ думалъ мыслящій мальчикъ среди глубокой ночи (было далеко за полночь, это онъ зналъ, потому, что пѣтухи уже давно пропѣли), часто, когда онъ стоялъ между балками и наблюдалъ за ласточками влетавшими туда съ кормомъ для своихъ дѣтенышей и вылетавшими оттуда, замѣчалъ онъ, что балки были также толсты какъ его туловище; да притомъ, такое множество этихъ балокъ настлано вдоль и поперегъ подъ соломой, что онъ никакъ не могъ допустить, чтобы отецъ его былъ въ состояніи когда либо, поднять ихъ всѣхъ.

Какже отецъ подниметъ крышу, продолжалъ онъ размышлять, когда онъ не можетъ поднять и одного бревна, какъ это я видывалъ, когда носилъ ему обѣдъ прошлою зимою во время рубки лѣса; тогда и двое такихъ какъ отецъ едва двигали съ мѣста одно бревно, и то съ помощію кольевъ, которые называли рычагами.

Какже послѣ этого, снова и снова спрашивалъ себя Гриша, можетъ быть, чтобы отецъ поднялъ всѣ эти бревна, которыя поддерживаютъ крышу?

Но, хотя онъ продолжалъ недоумѣвать какъ отецъ его выполнитъ работу, которую себѣ задалъ, тѣмъ не менѣе ему и на мысль не приходило усомниться въ намѣреніи отца попробовать сдѣлать то, что онъ сказалъ. Гриша никогда въ жизни не сомнѣвался въ правдивости словъ своего отца. До сихъ поръ отецъ всегда говорилъ правду, и всегда училъ своихъ дѣтей, что надо вѣрить въ знанія другихъ. Однимъ изъ главныхъ наслажденій этого честнаго человѣка, было доказывать своимъ мальчикамъ, какъ всѣ люди—даже самые ученые изъ нихъ, пріобрѣтали болѣе познаній, благодаря вѣрѣ, которую они имѣли къ другимъ, чѣмъ посредствомъ своей собственной опытности.

Предположимте, говорилъ онъ своимъ сыновьямъ, что мы бы сомнѣвались въ истинѣ словъ всѣхъ людей; міръ былъ бы полонъ недовѣрія и подозрѣнія, и какъ мало подвигались бы мы впередъ. Большая часть нашей жизни была бы занята тѣмъ, что мы искали бы доказательствъ истины того, что намъ было сказано и чему насъ учили. Намъ пришлось бы объѣхать весь свѣтъ прежде, чѣмъ повѣрить простому учебнику географіи. Мы должны бы были посѣщать каждую иностранную землю прежде, чѣмъ повѣрить ея существованію. Между тѣмъ какъ теперь, благодаря нашей вѣрѣ въ слова другихъ, мы сидимъ покойно у себя дома и такъ же твердо увѣрены въ существованіе странъ на ходящихся за тысячи верстъ отъ насъ, какъ будто мы сами въ нихъ были. Подумайте, прибавлялъ онъ, какую громадную вѣру, должны имѣть люди, читающіе газеты. Какое множество происшествій въ нихъ описано. Но помните, заключалъ отецъ, что вѣра опирается на правдивости. Если бы всѣ люди, или даже большая часть людей по-

стоянно лгала, мы были бы, вообще, такъ же недовѣрчивы, какъ мы теперь довѣрчивы. Тотъ, слѣдовательно, кто лжетъ, тотъ покушается подорвать довѣріе къ словамъ всѣхъ людей и такимъ образомъ лишаетъ насъ средства пріобрѣтать знанія, безъ которыхъ мы были бы тѣ же дикіе люди.

Иванъ Егоровъ былъ, главнымъ образомъ, человѣкъ съ здравымъ смысломъ; въ самомъ дѣлѣ, здравый смыслъ былъ его единственнымъ руководителемъ во всемъ, чтобы онъ не дѣлалъ и не говорилъ, потому, что онъ никогда, нигдѣ, ничему не учился; онъ зналъ только то, чему научился самъ. Онъ принадлежалъ, именно, къ числу тѣхъ умовъ, которые называются изобрѣтательными. Онъ могъ сдѣлать почти все, въ чемъ онъ нуждался. Несмотря на то, что онъ былъ простой поденщикъ, онъ зналъ немного кузнечное мастерство, былъ порядочнымъ плотникомъ, достаточно свѣдущимъ каменьщикомъ, чтобы выстроить грубую садовую ограду или коровникъ для своихъ сосѣдей. Онъ могъ починить себѣ сапоги, исправить сбрую своей лошади и владѣлъ на столько иголкой, чтобы быть въ состояніи зашить свое платье. Онъ могъ также немного паять. Онъ устроилъ старый токарный станокъ въ сараѣ, выстроенномъ имъ за свинымъ хлѣвомъ; тамъ любилъ онъ точить шомполы для своихъ друзей и деревянныя куклы для маленькихъ деревенскихъ дѣтей.

Едва-ли было такое ремесло, къ которому Егоровъ не могъ бы пріучить свою руку. Конечно, онъ ни въ одномъ изъ нихъ не дошелъ до совершенства, по этому едва-ли можно было удивляться; правду сказать, умъ его быстро схватывалъ незначительныя знанія, но онъ не былъ достаточно терпѣливъ и усидчивъ, чтобы усовершенствоваться въ изученіи какого либо предмета, или ремесла. Если бы было иначе, и если бы онъ побольше учился, то онъ могъ бы быть великимъ человѣкомъ.

Лучшій другъ Егорова, былъ отецъ Іоаннъ, священникъ маленькаго прихода. Егоровъ имѣлъ свободный доступъ въ его библіотеку и всѣ книги, какія онъ читалъ, онъ получалъ отъ него. Такъ какъ доходъ священника не былъ особенно великъ, то и библіотека его не могла быть особенно обширна. Но, къ счастію Егорова, въ ней находились, между немногими книгами свѣтскаго содержанія, старинныя книги о домоводствѣ. Въ нихъ были, хотя и краткія и обвѣтшалыя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ

знанія, но и они совершенно удовлетворяли требованіямъ пытливаго ума Ивана Егорова; такимъ образомъ поденщикъ самоучка, занимаясь чтеніемъ въ свободное время, пріобрѣлъ, такъ называемыя поверхностныя знанія о чрезвычайно различныхъ предметахъ.

Гриша такъ вѣрилъ въ способности своего отца, что ему казалось, что нѣтъ вещи которой бы отецъ его не могъ сдѣлать. Бывало часами, стоялъ онъ около отца у токарнаго станка, и, не спуская глазъ, наблюдалъ за тѣмъ, какъ тотъ самымъ некрасивымъ и грубымъ кускамъ дерева придавалъ красивыя формы. Когда отецъ его получалъ позволеніе поработать, въ продолженіи часа или двухъ, въ кузницѣ, Гриша раздувалъ для него мѣха. Онъ видѣлъ, какъ отецъ его дѣлалъ, изъ заржавленнаго и сломаннаго засова отъ двери, пару подковъ для стараго сивки, и любовался, какъ искры летѣли вокругъ него въ видѣ огненнаго фонтана. Иногда, случалось, что Гриша сидѣлъ на лавкѣ подлѣ отца и смотрѣлъ, какъ онъ чинилъ то пуделя, котораго надо было заставитъ снова лаять или поправлялъ бумажнаго козачка, испорченнаго дѣтьми сосѣдней усадьбы.

Все это и тысячи подобныхъ примѣровъ искуства его отца вмѣстѣ съ славой, которая шла по всей деревнѣ, что за тысячи верстъ въ окружности нельзя было найти человѣка болѣе искуснаго, чѣмъ Егоровъ, убѣдило Гришу въ томъ, что для отца его не было ничего невозможнаго.

«Вашъ отецъ не такъ уменъ, какъ мой» говорилъ онъ другимъ деревенскимъ мальчикамъ, стоявшимъ толпой около водяной мельницы; они смотрѣли въ воду чрезъ мостикъ и хвастали другъ передъ другомъ подвигами своихъ семействъ.

И такъ у Гриши не было другой причины сомнѣваться въ томъ, что отецъ его подыметъ кровлю, кромѣ той, что онъ не могъ понять самъ какимъ способомъ онъ это сдѣлаетъ; съ другой стороны онъ былъ внутренно убѣжденъ, что отецъ его исполнитъ то, что онъ сказалъ. Мучимый этими мыслями, мальчикъ прометался до полуночи на своей постели, ломая себѣ голову въ тщетной надеждѣ открыть, какимъ способомъ этотъ удивительный подвигъ будетъ совершенъ.

Какъ мы уже сказали, Гриша всталъ рано утромъ. Никого не было на дворѣ, когда мальчикъ, отворивъ окошко и вытянувъ

шею, смотрѣлъ вдоль всей маленькой деревни, состоящей изъ двухъ рядовъ хижинъ, разбросанныхъ по берегамъ рѣчки. Но еще ни одного живаго существа не было видно на дворѣ, кромѣ стараго Арапки, сторожившаго какъ часовой, около дорожки, ведущей къ двери; голова его покоилась на лапѣ; съ полу-прищуренными глазами онъ терпѣливо ожидалъ кусочка хлѣба, который ему всегда давали во время завтрака. Когда смышленое животное услышало стукъ отворявшагося окна, оно подняло голову, навострило уши и привѣтствовало мальчика радостнымъ виляньемъ хвоста.

Гриша зналъ, что было еще рано, потому что, хотя онъ и высунулъ на сколько могъ голову изъ окна и приставилъ руку къ уху, онъ не могъ уловить шума водянаго колеса сосѣдней суконной фабрикѣ. Все, что онъ могъ слышать, это было отдаленное журчаніе рѣки. Первые лучи утренняго солнца обливали рѣку розовымъ цвѣтомъ и переливались въ туманѣ, который разстилался у подножія противоположной горы; туманъ, гонимый легкимъ вѣтеркомъ, поднимался волнистой радужной струей. Гриша поднялъ глаза на вершину горы; зеленѣющія, золотистыя покатости радужно переливали цвѣтами и блестѣли на солнцѣ, какъ перья павлина.

Онъ побѣжалъ на другой конецъ комнаты, къ окошку: высоко за домомъ поднимался лугъ. По круглымъ, густымъ облакамъ чернаго дыма, быстро валившимъ изъ трубы кузницы, Гриша узналъ, что тамъ ужъ не спятъ. Схвативъ свою шапку, онъ спустился съ лѣстницы; боясь потревожить сонъ отца прежде времени, онъ не надѣлъ своихъ сапогъ, но несъ ихъ въ рукахъ и осторожно сошелъ съ лѣстницы; еще осторожнѣе отодвинулъ засовъ и потянулъ назадъ верхнюю половину маленькой двери горницы выходящей на дорогу. Арапка, такъ звали старую собаку, услыхавъ скрыпъ засова, снова поднялъ голову и вытянулъ шею, просунулъ ее какъ можно дальше, черезъ дверь, въ крошечную комнатку и потеръ свой мягкій, холодный носъ о щеки своего молодаго господина, въ то время какъ мальчикъ, стоя нагнувшись, натягивалъ свои сапоги.

Гриша былъ слишкомъ занятъ въ эту минугу своими мыслями, чтобы обратить вниманіе на привязанность къ нему животнаго. Онъ только разъ или два ласково потрепалъ его по

спинѣ и не останавливаясь, чтобы, по обыкновенію, поболтать съ нимъ, поспѣшилъ въ кузницу. Старый Арапка, игриво подпрыгивая, слѣдовалъ за нимъ.

Гришѣ потребовалось немного времени, для того, чтобы сообщить сыну кузнеца о подвигѣ, который долженъ былъ совершиться у нихъ въ это утро. Молодой кузнецъ былъ самый большой изъ деревенскихъ мальчиковъ и, слѣдовательно, маленькій оракулъ и въ тоже время деспотъ; только что онъ услыхалъ новость, онъ повернулся на каблукахъ и сталъ раздувать огонь въ горнѣ, — работа, которую онъ оставилъ, чтобы слушать разсказъ Гриши. Вдругъ оставивъ рукоятку мѣховъ и взявъ клещами раскаленное желѣзо, онъ съ такою силою сталъ его ковать, что изъ подъ молота, какъ молніи, стали сыпаться раскаленныя брызги желѣза, а щеки мальчиковъ, бревна, балки и стѣны строенія по временамъ ярко освѣщались пламенемъ. «Твой отецъ такъ уменъ, что онъ можетъ сдѣлать все, чтобы онъ ни вздумалъ; ты такъ полагаешь? Но онъ въ половину не такъ силенъ, какъ мой отецъ. Я видѣлъ, какъ мой отецъ согнулъ руками кочергу и какъ онъ поднялъ вотъ этотъ молотъ одною ногою... Ты попробуй, какъ онъ тяжелъ. Не смотря но это, онъ никогда не былъ такъ глупъ, чтобы вздумать поднимать крышу. «Пойдемъ лучше съ нами рыбу удить, Гриша, сказалъ онъ, лукаво улыбаясь, отецъ знаетъ, гдѣ находятся такіе отмѣнные карпы, такіе здоровые — какихъ ты и не видывалъ. Онъ видѣлъ рыбу вчера лежащею на отмели подъ скалами, недалеко за перевозомъ. Отецъ пошелъ сдѣлать багоръ, пока рыба не проснулась и если только она не уплыветъ, то онъ поймаетъ ее такъ, или иначе. Ты право хорошо сдѣлаешь если пойдешь съ нами. При этомъ, вскочивъ на наковальню и выпрямившись, молодой кузнецъ обернулъ свой длинный кожанный фартукъ вокругъ таліи, и повернулся раза два или три на широкой, гладкой поверхности своего стула.

Вотъ что я тебѣ скажу, Гриша: если ты только пойдешь съ нами, я тебѣ покажу славное гнѣздо чернаго дрозда, оно полно птенцами такими ужъ большими, что они того и гляди вылетятъ. Гнѣздо это какъ разъ намъ по дорогѣ, мнѣ ничего не стоитъ влѣзть на дерево, чтобы его достать; мы раздѣлимся птенцами, если ты пойдешь со мною, вотъ, братъ, что! Я давно уже при-

мѣтилъ его, еще съ тѣхъ поръ, какъ оно только что было свито. Сама матка такая большая и черная, точно ворона. Если бы я не влѣзъ на дерево и не увидѣлъ, что она снесла восемь яицъ, я бы ужъ давно подстрѣлилъ ее изъ лука. И какой у меня лукъ, просто красота, не правда-ли? Твой отецъ тебѣ не дѣлаетъ такихъ вещей, хотя онъ такъ уменъ, какъ ты говоришь. Я и забылъ тебѣ сказать, прибавилъ кузнецъ, что застрѣлилъ въ прошлую ночь здоровенную летучую мышь своимъ лукомъ, хочешь я тебѣ ее дамъ? подожди здѣсь.

Молодой кузнецъ соскочилъ съ наковальни и, подойдя къ своему маленькому пріятелю (который стоялъ прислонившись къ косяку двери и подперевъ рукой свою щеку) обнялъ своей загрубѣлой рукой шею мальчика, какъ бы для того, чтобы помириться съ нимъ. Онъ видѣлъ, что мальчикъ былъ огорченъ насмѣшками его надъ отцемъ, и сталъ приласкиваться къ нему. Ты пойдешь съ нами Гришенька?

О, намъ будетъ такъ хорошо тамъ, съ тобою. Отецъ возметъ съ собой хлѣба, молока и мы славно пообѣдаемъ на охотѣ; я захвачу немного луку, вѣдь ты любишь лукъ, Гриша? Ну, полно сердиться, вѣдь я шучу, и юный кузнецъ дохнулъ на свою смуглую руку. Скажи-же, вѣдь ты пойдешь съ нами, продолжалъ онъ заискивающимъ тономъ, трепля Гришу по щекѣ.

Что я тебѣ еще скажу: за рѣкою, миновавъ перевозъ, остановилось нѣсколько цыганъ, мы сходимъ къ нимъ въ таборъ, посмотримъ какъ они живутъ. Слушай, Гриша, если же ты не пойдешь съ нами, я уйду въ лѣсъ и ты меня никогда не увидишь.

Съ этими словами, молодой кузнецъ поднялъ машинально кусокъ заржавленнаго желѣза и излилъ свое негодованіе тѣмъ, что швырнулъ тяжелый кусокъ металла прямо въ бокъ собаки, которая присѣла на нѣкоторомъ разстояніи отъ кузница, ожидая своего молодаго барина. Это было болѣе чѣмъ бѣдный Гриша могъ вынести. Онъ давно уже негодовалъ, но сдерживался, слушая насмѣшки кузнеца надъ своимъ отцомъ; когда же онъ увидѣлъ, что его товарищъ золъ не только на словахъ, когда бѣдное животное, дѣйствительно любимое имъ, пустилось съ визгомъ бѣжать, корчась отъ боли, причиненной ему тяжелымъ ударомъ, онъ забылъ разницу лѣтъ существовавшую между нимъ и молодымъ кузнецомъ, и схвативъ одинъ изъ молотковъ,

лежавшихъ у его ногъ, стремглавъ бросился отомстить за бѣдное животное. Онъ хотѣлъ кузнецу нанести болѣе тяжелый ударъ, чѣмъ тотъ, который кузнецъ нанесъ безобидной скотинѣ.

Какъ только кузнецъ увидѣлъ, что Гриша нагнулся за молоткомъ, онъ отскочилъ отъ него и побѣжалъ вкругъ мастерской; мальчикъ погнался за нимъ. Гриша гонялся нѣкоторое время, пока гнѣвъ его не остылъ, потомъ, швырнулъ отъ себя молотокъ и, грозя своимъ маленькимъ кулачкомъ, сказалъ молодому кузнецу: пожалѣешь же ты о томъ, что ты сдѣлалъ!

Гриша вышелъ изъ кузницы, такъ скоро, какъ только позволяли ему силы, и пошелъ на вершину холма, куда убѣжала бѣдная, старая собака. Тамъ нашелъ онъ своего любимца, зализывающаго свою рану, изъ которой кровь струилась ручьемъ.

Добрый мальчикъ сталъ ласкать бѣдное животное, а у самаго слезы катились изъ глазъ. Когда Арапка поднялъ голову и потеръ ее о щеки своего молодаго господина, Гриша былъ тронутъ еще болѣе и поклялся въ душѣ отомстить недоброму кузнецу; онъ далъ себѣ слово превзойти во всемъ молодаго кузнеца, чтобы тотъ во всей своей дальнѣйшей жизни вспоминалъ о своемъ дурномъ поведеніи и раскаивался, слыша о Гришѣ постоянно только однѣ похвалы. Одни, рѣшилъ внутренно мальчикъ, будутъ говорить ему о томъ, какъ я уменъ; другіе будутъ расказывать о моей добротѣ. И если бы я только могъ достичь того, чтобы мое имя сдѣлалось извѣстнымъ всему свѣту, точно также какъ имена тѣхъ великихъ людей, о которыхъ читалъ мой отецъ—многіе изъ нихъ были, не болѣе, какъ такіе же бѣдные мальчики, какъ и я—тогда куда бы Василіи кузнецъ не пошелъ, вездѣ, навѣрное, найдется кто нибудь кто ему станетъ расказывать обо мнѣ, что нибудь хорошее. Отецъ говоритъ, что никто не можетъ знать того, что онъ способенъ сдѣлать, пока самъ не попробуетъ. И я попробую — да, я это сдѣлаю! мой бѣдный Арапка, сказалъ онъ, обращаясь къ своей собакѣ. Я буду учиться и учиться, и тогда, хотя Василій Петровъ и больше, и сильнѣе меня, я, въ одинъ прекрасный день, превзойду его во всемъ. Какъ знать, я могу сдѣлаться знаменитымъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ онъ все еще будетъ тѣмъ же недобрымъ кузнецомъ.

Мысли Гриши были прерваны стараніями Арапки освобо-

дить свою голову, чтобы снова облизать рану, потому что Гриша все еще держалъ руки вокругъ шеи животнаго, а голова его покоилась на его шеѣ. Бѣдный ты мой, голубчикъ, я и забылъ, что ты все время страдаешь! Пойдемъ къ рѣчкѣ, продолжалъ онъ, разговаривая какъ всегда съ собакою, какъ будто та понимала все, что онъ ей говорилъ. Мы достанемъ тамъ воды и обмоемъ хорошенько рану. Пойдемъ Арапка! пойдемъ! Когда Гриша привелъ собаку къ маленькому ручью, бѣжавшему съ горы, онъ всталъ на колѣни на бревно, служившее мостомъ для пѣшеходовъ и поставивъ собаку около себя, началъ черпать рукой воду и обливать рану послушнаго животнаго, продолжая болтать съ нимъ. Что хорошо теперь? Сказалъ онъ, пріятно? Какой стыдъ причинять боль такому доброму псу, какъ ты! Отецъ часто говорилъ, что ты понятливѣе многихъ людей, на свѣтѣ. О! вѣдь ты хитришь, старый мошенникъ, господинъ Арапка. Скажи, кто это, послѣ нашего завтрака всякій разъ бѣгаетъ за рѣку, къ старухѣ Аксиньѣ, чтобы получить отъ нея пару гречишниковъ? А кто лучше тебя знаетъ время завтрака? Иногда зимой такъ темно, что хоть глазъ выколи и мы завтракаемъ при свѣчахъ, а ты уже навѣрное знаешь когда шесть часовъ, да, ты это знаешь, старый плутъ, такъ хорошо, какъ будто у тебя на шеѣ висятъ серебрянные часы, какъ у нашего учителя.

Скажи, кто такъ ловко виляетъ хвостомъ, визгомъ и взлаиваніемъ умѣетъ о себѣ напомнить, какъ ты? Кто носомъ умѣетъ отворять дверь и ползкомъ подобраться къ столу за своею подачкою? А?

Гриша и его любимецъ поплелись въ деревню. Мальчикъ все еще держалъ свою руку на шеѣ Арапки, разговаривалъ съ нимъ ласкаво и нѣжно. Онъ то весело, игриво говорилъ съ нимъ о его хитростяхъ, то обѣщалъ ему дать мяса и хлѣба съ патокой къ завтраку, когда они придутъ домой.

Но едва дошли они до половины дороги, какъ Гриша увидѣлъ множество дѣтей и взрослыхъ толпившихся передъ хижиной его отца, и догадался что скоро начнутъ подымать крышу. Это воскресило въ немъ всѣ мысли, тревожившія его въ продолженіе всей прошлой ночи и онъ пошелъ скорѣй, забывъ на время и молодаго кузнеца и страданія животнаго. Гриша былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что онъ не могъ приняться

за завтракъ, который былъ оставленъ для него. Отдавши большую часть своей порціи старому Арапкѣ, онъ выбѣжалъ вонъ съ остаткомъ хлѣба и дожевывалъ его, стоя въ толпѣ и смотря на крышу которую отецъ его приготовлялся поднять.

Въ хижинѣ Ивана Егорова не было ничего особеннаго, ни живописнаго, кромѣ того, что она тянулась гораздо больше въ длину, чѣмъ въ вышину. Хижина была построена около самой дороги, которая шла подъ гору къ мостику, лежавшему посереди улицы, составлявшей деревню; стѣны ея были, съ одной стороны значительно выше, чѣмъ съ другой. На каждомъ концѣ хижины была дверь (какъ будто строеніе первоначально составляло два жилища); одна дверь вела въ кухню, другая прямо въ горницу; чтобы выйти въ кухню приходилось спускаться на нѣсколько ступенекъ, а чтобы войти въ горницу, надо было подняться на столько же ступенекъ. Стѣны ея были совершенно чисты и на нихъ ясно было, что хозяйка не жалѣла ни дресвы съ мочалой, ни своихъ трудовъ; на сѣроматовомъ фонѣ стѣнъ зеленыя рамки рѣшетчатаго окна казались еще ярче, а стекла болѣе похожи на бутылочныя, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Крыша не гармонировала со стѣнами, казавшимися, по своей бѣлизнѣ, почти новыми, солома же на крышѣ мѣстами позеленѣла и была смыта дождемъ, мѣстами же совершенно почернѣла и была покрыта бархатистымъ мохомъ, между тѣмъ какъ длинный конекъ крыши, посединѣ какъ будто вздулся и вдругъ круто спускался внизъ, такъ что можно было подумать, что задняя его часть отломлена.

Егоровъ отстрочивалъ починку этой части строенія съ мѣсяца на мѣсяцъ и даже съ годъ на годъ. Онъ думалъ, что дѣло это было не спѣшно, и что его можно было отложить для болѣе нужной работы. Но сильные вѣтры прошлаго марта, страшно разшатали крышу; когда же рѣчка вышла изъ береговъ и затопила деревню, а все семейство было принуждено искать убѣжища на чердакѣ, тогда Иванъ Егоровъ, во время этого безвиннаго заключенія, открылъ что нѣкоторыя изъ балокъ совершенно подгнили и было не безопасно. Съ тѣхъ поръ, онъ постоянно былъ въ страхѣ, что при первой бурѣ крыша провалится и придавитъ ихъ всѣхъ; тогда онъ далъ себѣ слово, какъ скоро у него будетъ одинъ или два досужихъ дня — посвятить ихъ на починку крыши. Сначала, онъ думалъ, что ему прійдется

снять всѣ балки, но послѣ болѣе подробнаго осмотра, онъ нашелъ, что бревна были испорчены только по краямъ, поэтому, онъ рѣшилъ, поднять всю крышу, подложить подъ нее клинья съ тѣмъ, чтобы можно было потомъ, перемѣнить лишь крайнія бревна.

И такъ, все населеніе деревни собралось передъ хижиной Ивана и съ любопытствомъ ожидало видѣть, какъ онъ ухитрится поднять крышу.

Иванъ Егоровъ не долго заставилъ дожидаться; онъ прежде всего подкатилъ чурбанъ къ самымъ стѣнамъ хижины. На крѣпкомъ, длинномъ бревнѣ, лежащемъ по край дороги закинувъ голову назадъ и устремивъ глаза на крышу, сидѣлъ нашъ Гриша. Онъ не могъ понять, что могло быть общаго между чурбаномъ, который отецъ его катилъ и подъемомъ крыши. Мальчикъ былъ такъ углубленъ въ свои думы, что отецъ долженъ былъ звать его по два и по три раза, когда ему надо было послать Гришу за какимъ нибудь инструментомъ въ сарай.

Гриша не долго однако же оставался въ недоумѣніи. Отецъ его поставивъ чурбанъ недалеко отъ стѣны, положилъ бревно по верхъ его, такъ, что одинъ конецъ былъ гораздо длиннѣе другаго и выходилъ далеко на большую дорогу. Потомъ мальчикъ увидѣлъ, какъ отецъ его влѣзъ на лѣстницу приставленную къ хижинѣ, въ то время какъ его старшій братъ, съ помощью двухъ или трехъ самыхъ здоровыхъ мужиковъ, поднялъ и приставилъ къ стѣнѣ прямой, не тонкій столбъ, верхняя часть котораго была помѣщена подъ застрѣху, а нижняя поставлена на болѣе короткую часть бревна.

Но даже и теперъ, когда Гриша видѣлъ, какъ бревно было положено на чурбанъ и самый короткій его конецъ подсунутъ подъ дерево доходившее до конца крыши, а болѣе длинный конецъ торчалъ, до половины, поперегъ дороги, онъ никакъ не могъ понять, какъ всѣ эти бревна и столбы могли помочь привести въ исполненіе то, что отецъ его имѣлъ въ виду. Ему казалось, что они скорѣй могли увеличить трудность исполненія этой задачи, чѣмъ облегчить ее.

Но вотъ настала самая тревожная минута! Маленькая толпа, съ Гришей въ томъ же числѣ, должна была отойти подальше, изъ боязни, чтобы одно изъ бревенъ не упало или стѣна не подалась и не ушибла кого-нибудь. Не смотря на опасность,

Гриша такъ былъ заинтересованъ, что втерся въ первый рядъ толпы и когда онъ увидѣлъ, что лѣстницу отнесли, у него отъ безпокойства захватило духъ.

Между тѣмъ отецъ его перешелъ къ длинному краю бревна, легъ поперегъ его и поднялъ ноги съ земли, для того, чтобы всей своей тяжестью налечь на бревно.

Движется? закричалъ онъ.

Всѣ взоры обратились на крышу, но никто не могъ замѣтить ни малѣйшаго движенія.

Гриша чуть не залился слезами, когда онъ услышалъ какъ всѣ закричали: нѣтъ! нѣтъ! онъ повернулъ голову въ направленіи къ мосту, чтобы посмотрѣть не стоитъ ли тутъ молодой кузнецъ и не смотритъ ли на нихъ. Но когда онъ увидѣлъ, что кузнецъ ушелъ, онъ слабо улыбнулся; неудача его болѣе такъ не тревожила, съ тѣхъ поръ, какъ онъ зналъ, что Андрей не могъ порадоваться ей.

Семенъ! Семенъ! позвалъ отецъ старшаго сына; когда здоровый парень подошелъ къ нему, онъ закричалъ: напри, напри на него! надо больше тяжести.

Услыхавъ это, Гриша чуть не засмѣялся отъ радости: надежда, что отцу его, послѣ всего, удастся поднять крышу, привела его въ восторгъ.

Какъ только Семенъ легъ на бревно, Гриша вскрикнулъ—шевелится! шевелится! и полупомѣшанный отъ радости, онъ запрыгалъ и захлопалъ въ ладоши, потому что онъ увидѣлъ серебристый лучь свѣта, блеснувшій подъ темной застрѣхой.

Я зналъ, что я первый увижу какъ крыша поднимется, если она должна была когда нибудь подняться, сказалъ онъ, тихонько взмахнувъ руками и бросивъ торжествующій взглядъ на всѣхъ зрителей, какъ будто желая сказать: посмотрите, какъ уменъ мой отецъ.

Подается, подается! Хорошо сдѣлано! молодецъ Иванъ Егоровъ! закричали сосѣди; а двое или трое изъ самыхъ восторженныхъ бросили свои шапки на воздухъ.

Ура! закричали нѣкоторые.

Ура! повторилъ Гриша, стараясь кричать громче, на случай, чтобы его могъ услышать молодой кузнецъ, если онъ былъ еще довольно близко. Гриша опять обернулся, съ тайною надеждою,

что онъ въ первый разъ ошибся и что кузнецъ съ сыномъ, можетъ быть, находятся еще здѣсь, и что они были свидѣтелями этого торжества. Сюда, сосѣдъ, закричалъ Егоровъ, въ то время, какъ онъ перевѣшивалъ съ своимъ сыномъ длинный конецъ бревна, полѣзай подъ тотъ конецъ бревна и подопри его. Подставить колоду подъ приподнятый конецъ бревна было дѣломъ одной минуты, для здороваго работника. Какъ скоро бревно было крѣпко утверждено, Иванъ поднялся и поспѣшилъ подложить клинья подъ колоду. Затѣмъ отступилъ нѣсколько назадъ, и смотря съ торжествомъ на свою работу, онъ прибавилъ, вотъ теперь я могу сказать, что это чисто сдѣлано. Теперь не много надо времени, чтобы подвести новыя бревна подъ крышу и тогда эта старая крыша, будетъ также крѣпка, какою была, когда ее строили. Что ты объ этомъ думаешь, Гриша? прибавилъ онъ, повернувшись къ сыну и трепля его по головѣ. Ты видишь, что человѣку вовсе не такъ трудно поднять крышу.

«Для мужчины не трудно, отвѣчалъ Гриша, поднявъ глаза на отца и смотря на него, какъ будто онъ хотѣлъ смѣрить его ростъ и силу».

— Нѣтъ, и мальчику также легко, отвѣчалъ отецъ.

«Могъ ли бы я, поднять ее, спросилъ робко мальчикъ.

— Конечно, Гриша, если бы только другой конецъ бревна былъ довольно длиненъ.

Эти слова глубоко запали въ душу маленькаго мальчика; онъ не могъ думать ни о чемъ другомъ, какъ о томъ, что онъ, ребенокъ, могъ бы поднять такую же тяжелую массу, какую сейчасъ, на его глазахъ, поднялъ его отецъ.

Я могъ бы это сдѣлать! шепталъ онъ, про себя, снова и снова; да, отецъ такъ сказалъ. Я могъ бы сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ—такой большой мужчина какъ онъ—*если бы другой конецъ бревна былъ только довольно длиненъ.* Мысль эта, такъ завладѣла умомъ мальчика, что онъ ничего не видѣлъ вокругъ себя и не слышалъ, что говорили, расходившіеся сосѣди, не замѣчалъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ толкали его, проходя мимо. *Если бы другой конецъ бревна былъ только довольно длиненъ,* повторялъ онъ, про себя, идя, задумчиво, къ лугу, который велъ къ рѣкѣ. Дойдя до рѣки, онъ увидѣлъ плотъ съ двумя пловцами, въ которыхъ онъ узналъ кузнеца съ сыномъ. Должно

быть они слышали громкія привѣтствія моему отцу, когда крыша поднялась, подумалъ онъ. Вотъ-то было досадно имъ, прибавилъ онъ про себя. Полный восторга, шелъ онъ по берегу рѣки, не спуская глазъ съ плота, пока тотъ не подъѣхалъ къ противоположному берегу. Тогда Гриша пересталъ думать о сынѣ кузнеца, онъ снова припомнилъ слова отца. Растянувшись на травѣ, на берегу, онъ опять сказалъ про себя. Я могъ бы это сдѣлать, если бы только *другой конецъ бревна былъ довольно длиненъ*. Что хотѣлъ отецъ этимъ сказать? Какую бы это сдѣлало разницу? Если бы другой конецъ бревна былъ длиннѣй!

(Продолженіе будетъ).

ПОХОЖДЕНІЯ ЛЮБОПЫТНОЙ БѢЛКИ.

Дулъ холодный вѣтеръ и шелъ сильный дождь. Молодая бѣлочка сидѣла въ дуплѣ и выглядывала оттуда на погоду сквозь качавшіеся, мокрыя вѣтви березы. «У—у! Какъ холодно»; говорила она своему сосѣду, свернувшемуся калачемъ у ея ногъ; а сосѣдъ этотъ былъ ея папенька. «Посмотри, папаша, какъ качается наша береза! Право, если бы дупло наше не было такъ глубоко, мы бы непремѣнно вывалились изъ него. Однако этотъ вѣтеръ хорошо сдѣлалъ, что прорвалъ паутину, застилавшую наше окно и паука, кажется, сдуло вмѣстѣ съ нею да и всѣхъ мухъ и муравьевъ. Это, по крайней мѣрѣ, хорошо и люди правы говоря, что «нѣту худа безъ добра». Я прежде просто не могла высунуть мордочки, безъ того чтобы не попасть въ эту гадкую паутину; а я такъ не люблю нечистоты!» Все это говорила бѣлочка, а молчаливый сосѣдъ и не слушалъ ея, а знай только похрапывалъ себѣ слегка да изрѣдка ежился, когда холодный вѣтеръ проникалъ до него. «Что за скука, право»! подумала про себя бѣлочка, и быстро замигала глазками. «Что теперь станешь дѣлать въ такую погоду? Выйти побѣгать по дереву, никакъ нельзя: этотъ несносный дождикъ смочитъ мнѣ всю шерсть;»—и бѣлочка самодовольно покосилась на свой пушистый хвостъ. Идти къ сосѣдкѣ, тоже нельзя, потому что ее, говорятъ, совсѣмъ сдуло прошлую ночь, такъ что утромъ она очутилась на травѣ и оглянувшись, увидала что верхняя часть сосны, гдѣ было ея гнѣздо, лежитъ тутъ же на лужайкѣ, сломанная вѣтромъ. Бѣдняжка такъ испугалась, что убѣжала въ темный, темный лѣсъ и больше ее никто не видалъ. Удивляюсь

я что папаша можетъ такъ крѣпко спать, когда насъ качаетъ во всѣ стороны. Вѣдь наша береза можетъ тоже сломаться, хотя папаша и говоритъ, что онъ все разсчиталъ заранѣе, что мы, хотя и живемъ высоко, но все же приблизительно на серединѣ дерева и, что здѣсь самая тѣнистая часть сада, такъ что другія деревья защищаютъ насъ отъ вѣтра. Можетъ быть, дѣйствительно мы въ безопасности; но все-таки ужасно скучно! Да и въ хорошую погоду не очень весело: все одно и то-же дерево: прыгай по немъ какъ знаешь! Просто гадко иногда дѣлается, а дальше не пускаютъ. «Тамъ тебя могутъ поймать», говоритъ мамаша, «состарѣешся, такъ все увидишъ, а пока сиди дома да слушайся»; говоритъ папаша. Ужъ развѣ и въ правду я такая хорошенькая, что меня непремѣнно поймаютъ?» Прибавила она помолчавъ и снова поглядѣвъ на свой хвостикъ и на свою пушистую темножелтую шкурку, самодовольно улыбнулась. — «Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось знать что дѣлается тамъ за нашимъ деревомъ, хочется людей посмотрѣть и себя показать. Вчера, когда такъ сильно дулъ вѣтеръ, я, по временамъ, могла видѣть отсюда одно изъ окошекъ большаго дома. Вотъ-то было занимательно! Никогда еще я не видала ничего подобнаго. Дождь лилъ еще сильнѣе сегоднишняго и вѣтеръ дулъ еще свирѣпѣе, большія тучи быстро неслись по небу, на дворѣ было темно какъ въ печи. Въ томъ окнѣ былъ свѣтъ и широкою, серебристою полосою падалъ на дорожку. По окну то и дѣло мелькали тѣни. Я узнала дѣтей, они играли въ жмурки. То-то весело смотрѣть было какъ они бѣгали, ловили другъ друга, натыкались, сталкивались, катились кубаремъ и всѣ громко смѣялись! Нѣтъ, я во что бы то ни стало доберусь когда нибудь еще поближе къ этому окну и тогда вдоволь насмотрюсь на нихъ». Принявъ это рѣшеніе, бѣлочка не долго еще смотрѣла въ даль изъ своего окна. На дворѣ начинало темнѣть и ей стало холодно; свернувшись, прижалась она къ старой бѣлкѣ и скоро крѣпко заснула.

Вы не должны думать однако, что бѣлочка эта была всегда въ такомъ дурномъ расположеніи духа. Она была очень жива отъ природы и въ хорошую погоду такъ искустно бѣгала вверхъ и внизъ по дереву и такъ мило перепрыгивала съ однаго сучка на другой, что дѣйствительно была очаровательна. Старыя бѣлки,

ея родители, умильно поглядывали на нее въ такія минуты и часто говаривали другъ другу: «ну, право, во всемъ нашемъ околодкѣ второй такой бѣлочки не сыскать». И всѣ, кто только видѣлъ ихъ бѣлочку, съ ними соглашались. За то и родители ее баловали, а злые языки говорили про нее за глаза: «конечно, она бѣлочка премиленькая, но какая она своевольная и у—у! какая любопытная!—Только успѣла заснуть наша бѣлочка, какъ у входа въ дупло показалась желтенькая, острая мордочка съ быстрыми глазками, а за ней пушистый хвостъ и мамаша вскочила въ дупло. Только очутилась она дома, какъ принялась будить своего мужа. «Ну-ка, просыпайся», говорила она, «подвинься, и дай мнѣ мѣсто возлѣ себя и пригрѣй меня твоею шубкой: видишь какъ я промокла. Я натаскала сюда подъ дерево множество орѣховъ и принесла тебѣ три короба новостей». Говоря это, бѣлка укладывалась возлѣ добраго папаши, который потянувшись и зѣвнувъ, спросилъ сначала съ просонья орѣховъ, но, потомъ, опомнившись прибавилъ только: «ну разсказывай».—«Эта наша сосѣдка дѣйствительно вѣтрянная бѣлка», начала его супруга, «и я рада, что наша бѣлочка была у нея всего только одинъ разъ. Хотя этого достаточно было чтобъ вскружить ей голову и сдѣлать ее еще любопытнѣе чѣмъ прежде. Но благодаря вчерашнему вѣтру она ее больше навѣщать не станетъ. Про бѣглянку ходятъ ужасные слухи. Представь себѣ, твой старый другъ разсказывалъ мнѣ сегодня, что она жила такъ... высоко не по... тому... чтобы...» но тутъ головка бѣлки склонилась на сторону и она започивала крѣпкимъ сномъ, такъ что продолженіе осталось для насъ неизвѣстнымъ, а еще болѣе для ея супруга, который давно уже снова заснулъ подъ однообразный шумъ дождя.

За ночь прошла непогода; солнце взошло, озаривъ напоенные влагой лѣса и поля и тонкій золотистый лучъ его проникъ въ дупло сквозь густую листву, ударивъ бѣлочкѣ прямо въ глаза. Она проснулась, открыла глаза и снова прищурила ихъ отъ внезапнаго свѣта, потомъ потянулась, вдохнула въ себя струю свѣжаго, утренняго воздуха и ей захотѣлось погулять немного послѣ такого долгаго заключенія въ дурную погоду. Она посмотрѣла на спящихъ родителей. «Что за бѣда», подумала она про себя, «уйду разъ безъ спросу, побѣгаю немного, да кстати

загляну, что дѣлается тамъ за предѣлами нашего дерева и опять назадъ, лягу на свое мѣсто: никто и не будетъ знать выходила ли я или нѣтъ». Задумано—сдѣлано, и бѣлочка очутилась на деревѣ за тысячу прыжковъ отъ дупла. Съ быстротою молніи, какъ и слѣдуетъ вѣкшѣ, спустилась она по стволу и очутилась на травѣ. Стрѣлой побѣжала она къ единственному знакомому ей дереву, гдѣ жила прежде сосѣдка, взлѣзла на него и усѣвшись на послѣднемъ, оставшемся суку съ любопытствомъ стала разсматривать изломъ. Она глянула внизъ и увидала на землѣ верхнюю часть дерева съ дупломъ. «Такъ вотъ какъ это случилось», говорила она сама съ собой, «а я себѣ совсѣмъ иначе это представляла». Надивившись вдоволь на слѣды этаго, какъ она думала, необыкновеннаго происшествія, бѣлочка осмотрѣлась, и, увидѣвъ что солнце еще довольно низко, рѣшилась посмотрѣть садъ. Быстро сбѣжала она съ ели и опрометью бросилась то по дорожкамъ, то по травѣ, между кустовъ и деревьевъ стараясь выгадать время и остановилась только въ цвѣтникѣ, гдѣ запахъ тысячи цвѣтовъ поразилъ ея обоняніе. Оглянувшись она увидала множество цвѣточныхъ клумбъ, обложенныхъ дерномъ, между которыми змѣились и терялись дорожки, а противъ всего этаго возвышался балконъ тоже уставленный различными растеніями и цвѣтами и украшенный полосатыми занавѣсками. Бѣлочка увидала наконецъ домъ и садъ: глаза у ней разбѣжались и она не знала на чемъ остановить свое вниманіе. Вдругъ сообразила она, что тутъ же недалеко должно быть окно, черезъ которое третьяго дня она видѣла дѣтей. Бѣлочка поднялась по балконнымъ занавѣскамъ, оттуда по карнизу, обогнула уголъ дома и остановилась подъ окномъ, выходившемъ на тѣнистую часть сада и откуда можно было видѣть и ихъ дерево; но теперь бѣлочка объ этомъ не думала, а то бы она увидала съ какимъ безпокойствомъ отецъ и мать ея бѣгали взадъ и впередъ по дереву и жалобно пищали, перекликиваясь.

Молодая наша странница подняла вверхъ мордочку и увидала что окно открыто. Веселый дѣтскій говоръ и рѣзкій топотъ маленькихъ ножекъ слышались оттуда; потомъ стали что-то отодвигать, говоръ прекратился и бѣлочкѣ показалось, что запахло парнымъ молокомъ. Не въ силахъ болѣе сдержать своего любопытства, прыгнула она на окно.—«Бѣлка, бѣлка!» Вдругъ

раздался дружный крикъ; дѣти сидѣвшія за столомъ всѣ мгновенно вскочили и бросились къ окну, кромѣ маленькаго братца, оставшагося на своемъ высокомъ стулѣ съ выраженіемъ удивленія и недоумѣнія на лицѣ. Старшій мальчикъ уже протянулъ было руку къ испуганной бѣлкѣ, но та, собравъ свои послѣднія силы, прыгнула въ бокъ и исчезла подъ окномъ. Стремглавъ побѣжала она отъ дому, не помня себя отъ страху и не слыша земли подъ ногами. Кусты, деревья, дорожки, дворъ и строенія такъ и летѣли мимо нея, а она все бѣжала безъ оглядки, все дальше и дальше, оставивъ за собою и садъ и всю усадьбу.

Сердце ея сильно билось и она трудно и ускоренно дышала, когда, наконецъ, остановилась на лѣсной дорогѣ среди высокихъ, высокихъ сосенъ, которыя шумѣли и мѣрно покачивались во всѣ стороны, будто совѣщаясь между собою о какихъ то имъ однѣмъ извѣстныхъ тайнахъ. Почувствовавъ себя въ безопасности, бѣлочка скоро забыла все случившееся и стала шарить между еловыми шишками, валявшимися на землѣ, въ надеждѣ найти хорошій завтракъ; но увы! Шишки всѣ были пустыя, а бѣдная бѣлочка очень проголодалась. Что ей было дѣлать? «Домой?!» мелькнуло у ней въ головѣ. «Нѣтъ, ни за что!» воскликнула она вслѣдъ за тѣмъ: «здѣсь такъ прекрасно, вольно, просторно и даже, здѣсь совсѣмъ другой воздухъ, чѣмъ у насъ на деревѣ. Къ тому-же я непремѣнно хочу знать о чемъ говорятъ эти сосны», и бѣлочка побѣжала по одной изъ нихъ на самую верхушку, оттуда прыгнула на ель, которая была еще выше и только тогда остановилась: у ней чуть не закружилась голова такъ высоко она поднялась. Чудесная картина представилась ея удивленному взору, съ одной стороны лѣсъ тянулся далеко, за нѣсколько верстъ; съ другой разстилались поля и луга, серебрилась быстрая рѣчка и синѣли отдаленныя горы. Бѣлочкѣ дышалось легко, ей показалось, что она вдругъ выросла и можетъ все это обнять своими передними лапочками; неотразимо потянуло ее въ даль, къ этой рѣчкѣ, къ этимъ горамъ, далеко, далеко отсюда, а деревья подъ ней все шумѣли и шептались по прежнему, а она столько-же понимала изъ этого какъ и прежде. Солнце теперь уже поднялось высоко, такъ что бѣлочку, вставшую съ ранняго утра, начинало клонить ко сну. Любуясь очаровательной карти-

ной съ вершины ели, она не разъ уже клевала носомъ, подчиняясь невольной дремотѣ. «Дай-ко, я постараюсь отыскать здѣсь нашу бывшую сосѣдку», подумалось ей »она непремѣнно дастъ мнѣ соснуть и поѣсть у себя, а потомъ, посмотримъ, можетъ быть мнѣ и можно будетъ у нея пристроиться. Вотъ-то весело будетъ»! И успокоенная бѣлка игриво подняла свой хвостъ, соскочила на смежную вѣтку. Спустившись, приблизительно, до половины дерева, она вдругъ увидала, что она не одна въ лѣсу: подъ елью спалъ крестьянскій мальчикъ, заложивъ одну руку подъ затылокъ, тогда какъ другая покоилась на спинѣ большаго водолаза, лежавшаго возлѣ него, тутъ же, на травѣ увидала она недопитую крынку молока и кусокъ чернаго хлѣба. По лѣсу ходили коровы и телята, оглашая его по временамъ то тонкимъ, то грубымъ звономъ своихъ колокольчиковъ. Бѣлка пріостановилась и сообразивъ, что безопасно можетъ позавтракать, пока мальчикъ и собака спятъ, тихохонько спустилась и принялась за черный хлѣбъ, который издавна былъ ея любимымъ лакомствомъ, потому что не надо думать, чтобы всѣ бѣлки рѣшительно только бы ѣли одни орѣхи да еловыя шишки; это, конечно, дѣлаютъ дикія бѣлки, но другія, подобныя нашей маленькой странницѣ, которыя живутъ въ садахъ, вблизи людей, уже гораздо болѣе образованы и ѣдятъ все, что только могутъ стащить, гдѣ нибудь на заднемъ дворѣ или въ саду. И такъ наша бѣлочка напилась молока и наѣлась чернаго хлѣба такъ плотно, что не могла больше пошевельнутся да тутъ и заснула, крѣпко прекрѣпко, какъ вы легко можете себѣ представить, послѣ всего, что съ нею было и что она видѣла въ этотъ день.

«Мама, мама, она жива; она открыла глаза»!—Вотъ что услыхала бѣлочка, когда проснулась. Она прищуривала глазки, снова открывала ихъ, садилась и озиралась во всѣ стороны съ безграничнымъ удивленіемъ. «Да она премиленькая»! Снова заговорилъ дѣтскій голосъ. Бѣлочка наша подняла голову и увидала передъ собой бѣлокураго мальчика, голубые глаза котораго такъ ласково смотрѣли на нее, что она не почувствовала ни малѣйшаго страху, когда онъ осторожно взялъ ее на руки и положилъ на колѣна своей матери. «Оставь ее лучше на окнѣ», сказала та, «она совсѣмъ не привыкла къ такимъ ласкамъ. Мы лучше принесемъ ей что нибудь покушать». Съ этими словами

мать и сынъ вышли изъ комнаты, оставивъ ее одну. Бѣлочка съ любопытствомъ разсматривала просторную столовую съ большими стѣнными часами, длинными рядами стульевъ по стѣнамъ и темнымъ, раздвижнымъ столомъ по срединѣ, надъ которымъ висѣла лампа съ бѣлымъ, фарфоровымъ абажуромъ. Хотя все это вещи обыкновенныя, но бѣлочкѣ онѣ показались очень странными и даже волшебными, такъ какъ она никогда еще ничего подобнаго не видала. «Да это кажется то самое окно, на которомъ я сидѣла сегодня утромъ»? подумала бѣлочка, взглянувъ въ садъ; «только теперь оно заперто, вѣроятно потому, что уже темнѣетъ».

— «Какой этотъ мальчикъ славный», продолжала она свои размышленія, онъ мнѣ очень нравится. Неужели это тотъ самый, который такъ испугалъ меня сегодня утромъ? Не можетъ быть, этотъ, кажется, такой добрый»! — Мальчикъ возвратился, на этотъ разъ безъ матери, но тоже не одинъ: за нимъ вбѣжала его сестра.

«Покажи мнѣ ее Коля, милый»! Говорила она, на бѣгу хватая брата за рукавъ.

— «Смотри, Маша, я разсыплю всѣ орѣхи, если ты будешь толкать меня» отвѣчалъ Коля уже надъ самымъ ухомъ бѣлочки, подставляя ей блюдочко съ орѣхами, съ котораго она съ жадностью принялась ѣсть, искустно вычищая ядрушки изъ скорлупы своими острыми зубками и передними лапками. Дѣти немогли оторвать отъ нея глазъ, и стоя у окна, слѣдили за всѣми ея движеніями.

«Пастухъ, который принесъ мнѣ ее», началъ Коля, «сказалъ, что ее надо въ клѣтку посадить, а то она все будетъ портить, но я этого не хочу».

«Знаешь, это та самая бѣлка, которую мы видѣли здѣсь сегодня утромъ», сказала Маша, «а ты сперва думалъ, что она мертвая»?

«Пастухъ сказалъ мнѣ, что вѣрно она упала съ дерева, потому что когда онъ увидалъ ее, она была неподвижна и съ закрытыми глазами», отвѣчалъ Коля. Бѣлочка слушала все это и ей стало ясно какъ она попала въ этотъ домъ, но она нисколько объ этомъ не жалѣла: ей тутъ очень нравилось. Съ этого дня она осталась у дѣтей. Коля ходилъ за ней и кормилъ ее да и

она его очень полюбила. Какъ рѣзвилась и играла она съ нимъ бывало, бѣгая съ нимъ по всѣмъ комнатамъ, по стульямъ, по шкафамъ, а когда онъ садился за столъ или приготовлялъ свои уроки, величайшимъ удовольствіемъ ея было сидѣть у него на плечѣ, когда-же онъ давалъ ей что нибудь погрызть въ это время, то она была совершенно счастлива. Съ другими дѣтьми она не такъ любила играть, потому что они хватали ее за уши, а Маша даже разъ прищемила ей хвостъ между дверми. Коля держалъ свою бѣлку на свободѣ, но не выпускалъ ее изъ дому, а ночью она спала въ его комнатѣ, за шкафомъ. Она сдѣлалась такъ умна, что знала свое имя. Коля окрестилъ ее «Находкой», и она каждый разъ прибѣгала къ нему, какъ только онъ ее звалъ. Такъ прожила она много, много золотыхъ дней и только одно смущало ея счастье. Бѣгая по всему дому, она усмотрѣла въ библіотекѣ, возлѣ наколотыхъ на булавки букашекъ и бабочекъ чучелу бѣлки. Невольно морозъ пробѣгалъ по ея тѣлу каждый разъ, что ей случилось вскинуть глазами на эту чучелу или пробѣжать мимо нея. Однако она заставила себя однажды въ присутствіи Коли, когда чувствовала себя по бойчѣе, обнюхать ее и посмотрѣть ей прямо въ глаза. Каково-же было ея изумленіе, когда она узнала въ ней свою бывшую сосѣдку. Послѣ этого она всегда старалась избѣгать библіотеки, а если ужъ иначе нельзя было, то по крайней мѣрѣ опрометью пробѣжать по ней. Никогда не пыталась она объяснить себѣ эту страшную тайну: какимъ образомъ сосѣдка сдѣлалась чучелой и попала въ этотъ домъ, но мимоходомъ она слышала какъ папаша говорилъ Колѣ, что у него скоро будутъ еще какія-то чучелы птицъ и какіе-то скелеты. Это послѣднее слово ее очень занимало и часто, сидя одна за шкафомъ, она думала объ томъ, чтобы это могло быть? Но любопытству ея на этотъ разъ не суждено было удовлетвориться. Въ одно прекрасное утро принесли большую клѣтку и Коля самъ посадилъ ее туда. Сначала она нетерпѣливо металась по клѣткѣ, но потомъ стихла и занялась наблюденіями. Люди ходили взадъ и впередъ, приносили и уносили сундуки. Въ столовой, гдѣ она стояла, сняли лампу и стѣнные часы и наконецъ, подъ вечеръ, пришли и за ней. Лакей пронесъ ее по опустѣвшимъ комнатамъ на крыльцо, у котораго уже стояла карета. Въ ней сидѣло все семейство и Коля кричалъ изъ дверцы.

«Не забудьте мою бѣлку»! Ее подали ему и карета покатилась. На станціи бѣлку сдали въ багажъ, гдѣ ей было очень неловко, темно и скучно. Наконецъ пріѣхали въ городъ и поставили на окно въ какой-то проходной комнатѣ. Унылой чередой проходили дни, бѣлочкѣ едва хватало корму. Тутъ въ первый разъ вспомнила и пожалѣла она о своемъ дуплѣ, гдѣ она никогда не знала голода. «Теперь мамашѣ съ папашей тепло», думалось ей, потому что она не знала какъ долго и тщетно они искали ее всюду въ саду и даже въ лѣсу пока, наконецъ, не были убиты охотниками. Бѣлочка думала, что ея родители живы и здоровы; ей и въ голову не приходило, что они такъ горевали по ней и, что своимъ безграничнымъ любопытствомъ и своеволіемъ, она, такъ сказать, свела ихъ въ могилу. Коли она больше не видала съ самаго дня ихъ пріѣзда. Отъ людей она слышала, что онъ поступилъ въ гимназію, что онъ первый ученикъ, что очень много занимается и, что мамаша часто беретъ его съ собой когда выѣзжаетъ. Однажды утромъ, послѣ сильной ночной непогоды, окно было все занесено снѣгомъ и отъ него вѣяло холодомъ. Лакей пришелъ убирать комнату и открылъ форточку. Ледянымъ холодомъ обдало бѣлочку, которой еще за два дня тому назадъ забыли положить корму, такъ что она дрожала отъ холода и голода. Вспомнился ей тутъ, глядя на кружившіеся хлопья снѣга, тотъ день когда она, сидя въ дуплѣ на своемъ родномъ деревѣ, глядѣла въ даль; вспомнились ей и поля, и лѣса, и синія горы ея родины, и то блаженное утро, когда она въ первый и увы! въ послѣдній разъ разъ увидала ихъ и ей показалось будто она опять сидитъ на высокой ели и подъ нею разстилается далекая, очаровательная картина, ей вдругъ стало такъ тепло и хорошо и снова послышался ей таинственный шумъ сосноваго лѣса....

Лакей подошелъ къ клѣткѣ и, тронувъ бѣлку пальцемъ почувствовалъ, что она холодна какъ ледъ. «Замерзла», пробормоталъ онъ, «ну, туда ей и дорога! чай маленькій баринъ совсѣмъ забылъ про нее». Съ этими словами онъ вынесъ бѣлку въ кухню, чтобы велѣть ее выбросить.

И. Гордѣева.

ЧТО ГОВОРИТЪ КЕРОСИНЪ

ВЪ ГОРЯЩЕЙ ЛАМПѢ.

Вечеръ. На столѣ горитъ лампа. Четырнадцатилѣтній мальчикъ, который не мало читалъ, сидитъ одинъ въ комнатѣ у стола надъ развернутою книгою; засмотрѣлся на лампу и задумался. Керосинъ, пожившій таки на свѣтѣ не мало ранѣе чѣмъ попалъ въ лампу, разсказалъ ему кое что занимательное.

Давно, очень давно одной частичкѣ солнечнаго свѣта очень захотѣлось попутешествовать; она давно уже была на солнцѣ и ей хотѣлось узнать, что дѣлается въ другихъ мѣстахъ. Однажды она отторглась отъ солнца и полетѣла съ непостижимою быстротою, скорѣе курьерскаго поѣзда желѣзной дороги, такъ скоро какъ молнія, только слѣдъ ея означился солнечнымъ лучемъ. На пути свѣтъ встрѣтилъ землю. Тогда на землѣ еще не было людей; не было дѣтей съ которыми солнечный лучь могъ бы играть въ зеркальные зайчики, или въ ручныя тѣни на стѣнѣ. Лишь плоскій островъ виднѣлся изъ моря; большіе крокодилы и огромныя ящерицы ползали по немъ. Деревья простирали свои вѣтви къ небу какъ руки. Листья тогда, какъ и теперь, жадно впивали свѣтъ; такъ жадно какъ грудныя дѣти пьютъ матернее молоко.

Птицы въ томъ лѣсу еще не пѣли; въ немъ было смирно и тихо. Игръ бабочекъ тоже не было; не было еще ни одного распускающагося яркими красками цвѣтка. Солнечный свѣтъ усѣлся на зеленомъ листѣ дерева. Его клонило ко сну и онъ улегся въ зеленомъ листкѣ, какъ дитя въ колыбелькѣ. Вѣтеръ укачивалъ его. Когда листъ завялъ и готовъ былъ отпасть, свѣтъ спрятался въ дерево и продолжалъ спать въ немъ какъ твердость въ желѣзѣ.

Дерево состарѣлось и упало. Оно лежало въ сырой болотной почвѣ и отдыхало отъ своей работы. Его древесина обратилась въ черный камень, каменный уголь и домонитъ (богетъ). Постелька его была въ листьяхъ зеленая, въ деревѣ бурая, въ каменномъ углѣ блестяще черная. Въ одной спалось также хорошо, какъ въ другой.

Волны морскія засыпали пескомъ, глиною и землею окаменѣлые стволы. Рыбы надъ ними рѣзво плавали. Раки ползали поверхъ. Морскія улитки садились на песокъ въ своихъ раковинахъ. Волны морскія замыли еще болѣе песку и глины поверхъ каменнаго угля и погребли его подъ высокими холмами.

Холмы медленно поднимались со дна моря и все болѣе и болѣе высились. Изъ каменнаго угля въ глубинѣ отъ внутренняго жара земли вытекла нефть, петролеумъ. Свѣтъ, бывшій солнечный лучь, все еще лежитъ и дремлетъ, но уже въ жидкой нефти. Такъ прошли вѣка. Наконецъ пришли люди — рудокопы; длиннымъ буравомъ просверлили въ горѣ дырку — колодезь, и нефть по трубѣ побѣжала къ рабочимъ. Они наполнили ею сосуды, очистили ее, нагрузили на барки и корабли, и переслали водою къ намъ. Купецъ продалъ не много очищенной нефти мамашѣ подъ названіемъ керосина. Эту нефть налили въ лампу. По свѣтильнѣ она поднялась до самой горѣлки. Зажженную спичку поднесли къ горѣлкѣ; она нагрѣла керосинъ: Свѣтъ — давно, давно спавшій—мгновенно проснулся—просвѣтлѣло. Солнечный свѣтъ высвободился изъ керосина и цѣлый длинный зимній вечеръ свѣтилъ въ комнатѣ. Онъ освѣщаетъ и эти строчки Семейнаго Чтенія и...

«Володя, что такъ задумался; у тебя большой урокъ къ завтрешнему дню!»

Ю. С.

О ЧЕМЪ ПОЕТЪ ОВСЯНКА.

Рано утромъ, когда дѣти еще спятъ въ кроваткахъ, овсянка сидитъ уже на кустарной вѣткѣ и поетъ.

О чемъ же она поетъ?

О! Она умѣетъ спѣть каждому особенную и пріятную пѣсенку.

Прежде всего, едва только солнце показалось изъ за горы, пришелъ крестьянинъ. Онъ хочетъ посмотрѣть какъ поднялись его посѣвы и хорошую ли они обѣщаютъ жатву. Не надо ли перепахать поле, или не засадить ли въ огородѣ лишнюю гряду капусты или картофеля, на случай дурнаго урожая. Овсянка тоже большая любительница полевыхъ посѣвовъ, и тоже будетъ очень рада, когда поспѣетъ пшеница, рожъ, овесъ и вообще хлѣбныя зерна.

Она поетъ крестянину какъ утренній привѣтъ «'ще, 'ще, 'ще оч'нь рано», крестьянинъ думаетъ овсянка права; Богъ дастъ за петровъ день хлѣбъ зацвѣтетъ и созрѣетъ, тогда и овсянка получитъ «свою долю и умолкнетъ».

Крестьянинъ пошелъ домой. Затѣмъ пришла женщина съ корзиною и серпомъ, и стала срѣзывать траву для коровы.

«Какъ вкусна будетъ трава нашей буренушкѣ», думаетъ она, «теперь ей достанется только сладкая полевая трава, вмѣстѣ съ «молодымъ клеверомъ и викою. Это дастъ отличное густое мо«локо; полную чашку его дамъ моему ребенку на завтракъ»!

— Тцъ, тцъ,—итсъ, итсъ прочирикала овсянка.

«Ужъ не хочешь-ли помочь мнѣ жать травы, овсяночка! но одной доброй воли не достаточно, серпъ самъ тоже не сожнетъ

ничего—нужно и поработать; впрочемъ спасибо и за ласковый привѣтъ».

Женщина нарѣзала еще травы, наложила полную корзину и отправилась веселая, припѣвая, домой.

Вдали показался воинъ верхомъ. На длинной пикѣ его развѣвается значекъ, колеблемый утреннимъ вѣтеркомъ. Ратникъ отправляется къ границамъ защищать свое отечество. «Т'чи, т'чи, т'чи ко'н'цъ пики», поетъ ему на встрѣчу овсянка.

— Уже отточенъ — милая птичка — это узнаютъ враги, когда вздумаютъ придти на нашу землю. У меня дома остались жена и дѣти — я долженъ ихъ защищать. Съ этимъ ратникъ поѣхалъ далѣе.

У овсянки есть тоже свои дѣти, которыя сидятъ голенькія подъ кустомъ въ гнѣздѣ подъ крылышками своей матери. Вспомнила объ нихъ овсянка и отъ всего сердца запѣла: оч'н, оч'н, оч'н люблю я ихъ!

Молодыя овсяночки слышатъ пѣсню отца, поглядываютъ на вѣтку и ждутъ съ нетерпѣніемъ возвращенія его въ гнѣздо; они уже знаютъ что онъ принесетъ имъ въ клювѣ нѣжныхъ червячковъ и мягкихъ мушекъ. Солнце взошло и вполнѣ освѣтило овсянку. Ея желтыя перышки ярко, какъ чистое золото, заблестѣли на солнышкѣ. Встрепенулась птичка, половила мушекъ и полетѣла домой.

Овсянка исполнила свое дѣло, построила гнѣздышко, выростила и выкормила птенцовъ и послѣ трудовъ справедливо пѣла:

„Счастіе, веселье въ природѣ кругомъ
Тому ктоъживетъ своимъ лишь трудомъ“.

Ея пѣсенка можетъ научить еще кое кого, кто вовсе не овсяночка.

Ю. С.

ЛОШАДКА.

У Коли славная лошадка, а у Кати паяцъ Петрушка. Катя не совсѣмъ довольна своею куклою; ей хочется поиграть Колиной лошадкой.

«Я хочу играть лошадкой» говоритъ Катя.

— Играй своей куклой — отвѣчаетъ Коля — оставь мою лошадку; не тяни ее за хвостъ!

Катя не много упряма; ей хочется непремѣнно играть лошадкою. Она уцѣпилась обѣими рученками за хвостъ лошади и вся повисла на немъ.—Коля не уступаетъ своей собственности.

Петрушка только подсмѣивается у стѣны — быть можетъ не безъ зависти — что не объ немъ идетъ споръ.

О ужасъ!

И Катя и Коля попадали.

Хвостъ у лошадки былъ не очень крѣпокъ — онъ оторванъ; онъ у Кати въ рукахъ, лошадка у Коли.—Испугъ, боль, крикъ— и лошадка безъ хвоста уже не такъ хороша!

Не радуйся Петрушка чужой бѣдѣ! И съ тобой можетъ случиться, что либо подобное, если твоя хозяйка Катя не сдѣлается уступчивѣе.

Къ счастію

Мама пришла на помощь—и побранила, и успокоила, и утѣшила. Дѣти поняли что надо взаимно уступать одинъ другому.

Коля утѣшился тѣмъ, что хвостъ можно вновь приклеить лошадкѣ. Катя оправилась отъ испуга, но еще плачетъ — ей стыдно.

Все прошло!

Все поправлено—Мама всегда сдѣлаетъ лучше всѣхъ! Катя боится не много бойкой лошадки; но ей такъ хорошо сидѣть! Колѣ везти совсѣмъ не тяжело, когда мама подлѣ лошадки.

Одинъ Петрушка сконфуженъ и спрятался отъ стыда.